

III. История культуры

Людмила Дымерская-Цигельман

Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве*

Светлой памяти Евгении Фрадкиной

Евреи, еврейство и еврейское государство – это разные реальности, и, понятно, отношение к ним писателя тоже было различным. Каждая из них изучалась, трактовалась и изображалась в своем контексте – историческом и ситуационном, художественном и публицистическом. В художественном изображении еврейских персонажей и описании тех евреев, с которыми жизнь сводила Манна, порой встречались эмоциональные и ситуационные оценки, которые иногда могли включать и распространенные во все времена негативные клише и стереотипы. Свои представления о евреях как народе и о еврейском государстве Томас Манн представил в контексте своих философских, исторических и художественных концепций, своего понимания роли евреев в становлении и существовании европейской цивилизации, своего понимания нацистского антисемитизма как орудия, направленного на разрушение этой цивилизации.

Представления, взгляды и концепции писателя менялись во времени и пространстве, но при этом сохранялись основополагающие константы. Сам он неоднократно утверждал, что, как и Гете, меняя мнения, всегда оставался верен своим убеждениям. В письме Герману Гессе от 8 февраля 1947 года, обзревая пройденный им путь, Т. Манн утверждает: «...за тридцать лет я весьма существенно менял свои мнения, не ощущая в общем-то никакого перелома, никакого разрыва в себе»¹. Это полностью относится и ко всем трем аспектам еврейской темы. Она всегда рассматривается в контексте меняющихся мнений писателя и остающихся в своей основе гуманистическими его концепций – философских, исторических и художественных².

---

* Первоначальная версия этой статьи была опубликована в журнале "Еврейская старина" (1/2017). Печатается с некоторыми изменениями и дополнениями.

¹ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 220

² Эта статья во многом основывается на моем предисловии «Томас Манн. Уроки гуманизма» к сборнику *Томас Манн о немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники* / Сост. Л. Дымерская-Цигельман, Е. Фрадкина. Иерусалим, 1990. Примечания и перевод Е.Фрадкиной. В дальнейшем

Глава I. Томас Манн о еврействе и его роли в духовном становлении европейской цивилизации. «Диктаторско-террористические режимы» – ее разрушители

1. «Диктаторско-террористические режимы» – нацизм и большевизм. Т. Манн о противостоянии им и переходе от аполитичности к политике

Свое понимание исторической роли евреев как народа Томас Манн противопоставляет нацизму, тоталитарную сущность которого он разглядел с первых его шагов, то есть с начала 20-х годов. Именно это стало основанием для радикального изменения его мнений о политике и аполитичности. Публицистические работы тех лет и прежде всего эссе «Гете и Толстой» дают достаточное представление о духовной эволюции Т. Манна в период отхода от провозглашенной им ранее доктрины «аполитичности». В годы Первой мировой войны Томас Манн прошел трудный путь самопознания. Именно так он оценивал продолжавшуюся более трех лет (1915-1918) и стоившую ему «мучительных усилий» работу над книгой *Размышления аполитичного*. «Ту книгу, – вспоминал он, – я написал, страстно отдаваясь самопознанию и пересмотру всех основ моего мировоззрения, всех унаследованных мною традиций – традиций аполитичной немецко-бюргерской духовной культуры»³. Во имя этой культуры Т. Манн, по его словам, всеми силами сопротивлялся тому, что он называл «демократией», имея в виду политизацию духовной жизни.

Демократия представлялась Т. Манну продуктом западной утилитарно-рассудочной цивилизации, которую он, следуя за Ф. Ницше, противопоставлял духовной культуре Германии. Чуждые немцам идеи равенства и всеобщего избирательного права, считал тогда Томас Манн, исходят от евреев и французов – носителей «того галльско-еврейско-интернационалистского интеллектуализма, который заставляет немецкую душу смириться под его тиранством»⁴. Так выглядела «аполитичность аполитичного» в 1920 году. Но уже с 1921 года «свободное музицирование» Манна сопровождается совсем другим «писательством». «Свободным музицированием» в отличие от «писательства» – публицистика, эссеистика – он называет художественное творчество. Тогда продолжалась работа над «Волшебной горой», и две наиболее значимые «писательские» работы тех лет – эссе «Гете и Толстой» (его подзаголовок: «Фрагменты к проблеме гуманизма») и

в примечаниях сборник *Томас Манн о немцах и евреях* будет называться сокращенно «Сб.». Все переводы в нем выполнены германисткой Евгенией Семеновной Фрадкиной. Во всех ее переводах указаны немецкие источники. Выходные данные по цитатам из работ Т. Манна, опубликованных в разных изданиях на русском языке, будут приводиться в соответствующих примечаниях.

³ Манн Т. Культура и политика / его же. Собр. соч. Т. 10. 1960. С. 286-296.

⁴ Манн Т. Письмо Гансу Йосту / Келлер Э. Национализм и литература. Берн, 1970. С. 222.

речь «О немецкой республике» – Томас Манн назвал впоследствии «прозаическими ответвлениями романа». Он работал над ними, по его собственным воспоминаниям, в то «терзаемое проблемами и нещадно понуждавшее думать время», когда «требования со стороны внешнего мира неминуемо должны были множиться, и автор "Размышлений аполитичного" менее чем кто-либо другой из его собратьев был тогда вправе от них уклониться»⁵.

«Нещадно понуждавшими думать» событиями были: революции, падение двух империй и появление на политической карте Европы двух новых республик. Российская советская республика приняла свою конституцию 10 июля 1918 года, конституция Германии, провозгласившая республику, была принята в Веймаре 31 июля 1919 года.

Опыт первых лет существования этих республик и зарождающихся за их фасадом новых диктатур подводит Томаса Манна к новой постановке традиционного для него вопроса – о взаимоотношении духа и жизни, духовной культуры и социальной действительности. Именно тогда снимается противоположение духовной культуры и цивилизации, духа и политики, и он заключает: «Культура стоит перед лицом грозной опасности, если ей недостает политического инстинкта и воли»⁶. В какую форму должны воплотиться «политический инстинкт и воля», дабы создать благоприятные для развития духовной культуры рамки? Ответ однозначен: республика. Но не всякая, а только демократическая. Демократия и только она определяется как «политический аспект духовного, как готовность духа к политике»⁷.

2. Убийство «сионского мудреца» Вальтера Ратенау. Тотальность нацистского антисемитизма. Демократическая республика – государственная форма противостояния «диктаторско-террористическим режимам»

Свою аргументацию в пользу демократии Т. Манн, еще недавно ратовавший за авторитарное государство, изложил в речи «О немецкой республике», произнесенной 15 октября 1922 года на вечере, посвященном 60-летию Герхарта Гауптмана. Но юбилейные торжества вряд ли были тем главным, что волновало докладчика. «Конец Ратенау, – писал он Э. Бертраму вскоре после убийства министра иностранных дел Веймарской республики, – был для меня тяжелым шоком. Какой мрак в голове этих варваров! Я собираюсь придать статье ко дню рождения Гауптмана вид некоего манифеста, взывающего к совести молодежи, которая ко мне прислушивается»⁸.

Вальтер Ратенау – ученый, экономист, писатель, политик, сыгравший огромную роль в поддержании экономики Германии в годы войны и в особенности при

⁵ Манн Т. Очерк моей жизни / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 128-129.

⁶ Манн. Культура и политика. С. 288-296.

⁷ Там же.

⁸ Манн Т. Письмо Э. Бертраму. Цит. по Апт С. Томас Манн. М., 1972. С. 200.

переговорах о послевоенных репарациях. Он был убит 26 июня 1922 года по дороге в свое министерство. Спекулируя на реваншистских настроениях немцев и приспособивая к ним антисемитскую интерпретацию деятельности Ратенау, Гитлер распорядился поставить памятник убийцам с надписью: «Делай то, что ты должен сделать».

Еврей Ратенау был объявлен одним из «сионских мудрецов». «Протоколы сионских мудрецов» к тому времени широко использовались в нацистской пропаганде: первое их издание на немецком языке вышло в 1920 году; распространением «Протоколов» на немецком и других языках занимался, не в последнюю очередь, переехавший из России в Германию в конце 1918 года А. Розенберг. Он стал официальным идеологом и философом нацистской партии и именно ему принадлежит один из ее манифестов – книга *Миф XX века*. Изложенной в ней нацистской мифологии Томас Манн противопоставил своего «Иосифа и его братьев», замысел которого начал складываться с 1923 года.

«Протоколы» – фальшивка, изготовленная русской охранкой в преддверии революционной ситуации 1900-х годов, начали свое триумфальное шествие в Германии после революции 1917 года. Большевицкий переворот был представлен как реализация якобы изложенных в «Протоколах» планов по завоеванию евреями мирового господства. Гитлер широко использовал версию о всемирном заговоре евреев в своих утверждениях о вредоносности «еврейской расы» и необходимости ее полного уничтожения. Таким образом, нацистский антисемитизм, впитав антисемитскую парадигму русских «Протоколов», обрел тотальный характер. Нацистский антисемитизм – антисемитизм ТОТАЛЬНЫЙ, ибо он нацеливает на полное уничтожение еврейского народа как такового. Именно с таким антисемитизмом, начиная с первых его проявлений, боролся всеми доступными ему средствами Томас Манн.

Вернемся в 1922 год. О действенности нацистской пропаганды свидетельствует реакция аудитории на манновскую речь о республике. Молодежь, которая к нему «прислушивается, внимает голосу совести», – одна из иллюзий Томаса Манна, стремившегося своим уроком, своей исповедью приблизить превращение должного в сущее. Речь «О немецкой республике», построенная на искусной интерпретации идей немецкого романтика конца XVIII века Фридриха Новалиса, прерывалась топотом и выкриками всякий раз, когда докладчик говорил о пагубности романтизации войны, «сентиментального обскурантизма», открывшего дорогу террору и запятнавшего страну «отвратительными и безмозглыми злодеяниями».

Не только присутствовавшие на докладе, но и многие другие, в их числе и близкие друзья отнеслись к выступлению Томаса Манна как к «предательству, измене самому себе, отречению от собственных поступков». Так писатель оценил реакцию на его речь писательницы Иды Бой-Эд в письме ей от 5 декабря

1922 года⁹. Возражая, Манн утверждал, что его «Речь о немецкой республике» – прямое продолжение «Размышлений». Ибо при изменении мнений, утверждал он, сохранялись его убеждения.

Существенное, относящееся к убеждениям, – это гуманизм в его универсальности и в его немецком воплощении – духовной культуре бюргерства. Во имя немецкой гуманности он отрекался от политики, во имя той же гуманности он считал теперь своим долгом отречься от позиций аполитичного, ибо ему стало ясно: не сама по себе гуманистическая культура, а ее государственно-политическое воплощение – демократия – может выстоять против «фашистско-экспрессионистского бушевания», против обскурантизма, «привораживающего уставшее от релятивизма и жаждущее абсолюта человечество»¹⁰. Томас Манн уже тогда прозревает универсальность «порожденного депрессией антигуманизма», считая наиболее очевидными его проявлениями большевизм в России, фашизм в Италии, реакцию в Венгрии, распространение националистических идей во Франции. Томас Манн объясняет, почему большевизм, «хоть он и проникнут революционным и радикалистским духом», относится к формам проявления депрессии. «Большевизм, как бы ни расценивать его и его значение, во всяком случае не является ни свободой, ни гуманностью, а диктатурой и террором». Это утверждение прозвучало в речи «Дух и сущность немецкой республики», произнесенной 28 июня 1923 года на вечере, посвященном годовщине убийства Вальтера Ратенау¹¹. Анализируя смысл и значение этой открыто антисемитской акции, Томас Манн разъясняет, в чем опасная привлекательность диктаторских тенденций, что можно и должно противопоставить нарождающейся фашистской диктатуре. Можно и должно это сделать, избежав «русского соблазна», поняв, почему русский пагубный путь – это не путь для немцев.

Немецкий фашизм обнаруживает опасное родство с русским большевизмом – писатель видит в них части того «мирового движения», для которого в целом «характерна диктаторско-террористическая тенденция»¹².

Но в Веймарской республике эта тенденция лишь набирала силу, что же нужно сделать, чтобы она в Германии, как это произошло в России, не стала доминирующей. Для этого важно понять, как и почему это получилось у русских, как и почему немцы могут и должны пресечь силы, стремящиеся повести Германию по такому же «диктаторско-террористическому» пути.

---

⁹ Манн. Письма. С. 32.

¹⁰ См. то же письмо.

¹¹ Манн Т. Дух и сущность немецкой республики / Сб. С. 77-83.

¹² Там же.

3. «Немецкий фашизм – это националистическое язычество... это этническая религия, которой ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство – как человеческая сила»

Томас Манн не политолог и не социолог, он в ранге тех, кто творит культуру. Политическое и социальное в жизни личности и народа он рассматривает, прежде всего, как гуманист – с точки зрения сохранения и приумножения человеческого в человеке. Его занимает не то, как и какими силами был осуществлен «большевистский переворот в стране Толстого», для него важнее всего духовные истоки русского утремления к Абсолютному, к обскурантизму – «опасности любого времени, которое вожделеет Абсолютного»¹³. Томас Манн основательно и с большим пиететом изучал русскую литературу и, сравнивая русских мыслителей с немецкими, приходил к выводу, что глубокое духовное родство, сблизившее Россию с Германией, во многом определяется одинаково критическим отношением германо- и славянофилов к Западу, к его политической культуре, к его духовным ценностям. Духовная близость обоих народов, та популярность, которой пользовались в обеих странах антизападные почвенно-народнические воззрения, – именно это и родило у него опасение: немцы, подобно русским, презревшим при большевиках гуманистические ценности своей культуры, тоже могут под влиянием нацистов пойти «диктаторско-террористическим путем».

И Томас Манн обращается к тем свойствам немецкого духа, к тем гуманистическим традициям, которые могли бы стать на пути «русского соблазна». Надежду на то, что Германию не постигнет участь России, Томас Манн основывает на принципиальных различиях во взглядах двух равных по рангу наставников своих народов – «небожителя» Гете и «великого писателя земли русской» Толстого, который «для своей страны и своего народа имеет примерно то же значение, что для нас автор "Фауста" и "Вильгельма Мейстера"»¹⁴. Какова роль идей «великого писателя земли русской» в совершившемся в его стране «большевистском перевороте»? Оценивая значение «европейски-прогрессивистской идеи», т.е. марксизма, с одной стороны, и толстовства – с другой, Томас Манн пишет: «Западно-марксистский чекан, озаривший ясным светом великий переворот в стране Толстого (подобно всякому свету, озаряющему покров вещей), не мешает нам усмотреть в большевистском перевороте конец Петровской эпохи – западно-либеральствующей *европейской* (курсив Т.М.) эпохи в истории России, которая с этой революцией поворачивается лицом к Востоку. Отнюдь не европейско-прогрессивистская идея уничтожила царя Николая. В нем уничтожили Петра Великого, и его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а возвратный путь в Азию»¹⁵.

¹³ Там же.

¹⁴ Манн Т. Гете и Толстой / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 489-494.

¹⁵ Там же. С. 598.

В поисках того, что может роднить нарождающийся нацизм с большевизмом, Томас Манн явно переоценивает роль толстовства в идеологическом оснащении русской революции. На деле ее вожди в своей политике и пропаганде пользовались фальсифицированной версией марксизма, приспособленной Лениным к захвату власти и созданию «диктаторско-террористического» режима. И это лежало на поверхности, т.е. так выглядел «покров вещей».

Тогда почему Толстой и именно в противопоставлении Гете? Почему же все-таки толстовство как нечто роднящее нацизм с большевизмом? В толстовстве, считал Томас Манн, «выражен протест *русского народничества против гуманистической цивилизации*: в нем проявляется враждебное классической культуре язычество Толстого» (курсив Т.М.)¹⁶. ЯЗЫЧЕСТВО – вот ключевое слово. Антигуманизм, пронизавший все сферы жизни в стране Толстого, в Германии воплощался в немецкий фашизм, определяемый Т. Манном как «националистическое язычество, культ Вотана, это, говоря враждебно (а мы хотим говорить враждебно), – романтическое варварство... Фашизм – это этническая религия, которой ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство – как человеческая сила»¹⁷. В «националистическом язычестве» и «романтическом варварстве фашизма» Томас Манн видит явное родство с философией жизни, освятившей тягу к Абсолютному, ради достижения которого в стране Толстого дозволенным теперь было все.

И Томас Манн стремится убедить своих соплеменников: «Сейчас для Германии не время выступать против гуманизма, брать за образец ... педагогический "большевизм" Толстого ... Наоборот, для нас наступил момент со всей силой подчеркнуть и со всей торжественностью восславить наши великие гуманные традиции»¹⁸.

Эти традиции Томас Манн возводит к Гете. «Гуманистическая божественность Гете, – пишет он, – совершенно явно принимает какие-то иные черты, чем глыбистая первобытно-языческая божественность Толстого...». «Европейский гуманист» Гете отличается от «апостола восточного мира» Толстого своим преклонением «перед нравственной культурой христианства, иначе говоря, перед его гуманизмом, его просветительской антиварварской тенденцией»¹⁹.

4. Нацизм – разрушитель европейской цивилизации, евреи – создатели ее основ. Наставник Томас Манн: «Немец не может быть антисемитом»

В завершающей части эссе «Гете и Толстой» («Последний фрагмент») Томас Манн излагает свое понимание «серединности» немцев – той особой черты немецкости, которая делает немцев «образцом для других». Он стремится убе-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 602.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

дить своих современников, что немцам – «этому срединному народу – гражданину мира» – пристали пафос и мораль, соответствующие его положению²⁰. За год до публикации эссе в своей статье «О еврейском вопросе» (1921 г.) Томас Манн одобрительно отзывается о молодежи, «которая сегодня решительно ищет немецкое, не считая истиной ни Рим, ни Москву». Но такое проявление немецкости, как срыв лекции Альберта Эйнштейна, «потому что этот человек – еврей», Томас Манн называет отвратительным позором, и он желал бы «не быть в этом замешан»²¹.

Мысль о неприемлемости для немца антисемитизма, который есть проявление варварства, была сформулирована еще в первой статье на еврейскую тему в 1907 году. И там тоже Германия противопоставлялась России. «Помощь в решении еврейских дел, – писал Т. Манн, – видится мне неразрывно связанной с общим прогрессом культуры, и если этот вопрос в России является нам в гораздо более страшном и кровавом облике, чем у нас, то мне кажется это объясняется просто тем, что Россия вообще гораздо ближе к варварству, чем наша западная половина Европы»²².

Уже в этой статье Манн противопоставляет свое понимание еврейского вопроса немецкому идеологическому антисемитизму. К началу XX века европейский антисемитизм становился многоликим, распростирались расистские «теории», социальные, экономические, политические, культурологические и т.п. версии. В Германии же он обрел по-настоящему мобилизационный характер с распространением лозунга историка Трейчке «Евреи – наше несчастье». В пику Трейчке Томас Манн в той же статье 1907 года пишет о пользе и важности присутствия евреев в Германии, об их культурном вкладе.

Лозунг Трейчке был не только подхвачен нацистской пропагандой, но и обобщен. Евреи были теперь представлены как «несчастье» ВСЕГО человечества, как расовая угроза цивилизованным народам, возглавляемым арийской расой. В своем противостоянии нацизму Томас Манн изначально показывал всю абсурдность нацистских притязаний на роль «защитника цивилизации». Нацизму как «националистическому язычеству», как «этнической религии», враждебной христианству, то есть как силе, сокрушающей европейскую цивилизацию, писатель противопоставляет евреев как создателей основ этой цивилизации. Отныне это – КОНСТАНТА Томаса Манна в его противостоянии идеологическому антисемитизму. Во всех своих работах, начиная с 20-х годов, он последовательно противопоставлял нацистскому свое понимание роли евреев в мировой истории, свою оценку их фундаментального вклада в европейскую цивилизацию.

В 1937 году писатель выступает в клубе «Кадима» (на иврите «Вперед») с декларацией: «Этим выступлением я заявляю о своей позиции: я защищаю нахо-

---

²⁰ Там же. С. 604.

²¹ Манн Т. О еврейском вопросе / Сб. С. 368.

²² О решении еврейского вопроса / Там же. С. 361.

дящиеся под угрозой и безудержно пренебрегаемые идейные ценности...». Речь идет о разгуле антисемитизма в Германии, находящейся четвертый год под властью нацистов. Антисемитизм, – пишет Манн, – включает «все сегодняшние темные, путаные, в большей степени зверские человеческие качества», он – «следствие тех мистических представлений, в плену которых находятся массы, антисемитизм – их лозунг». Антисемитизм – это аристократизм черни: «я хоть и никто, но я не еврей». Для антисемита показательна потребность находить в затруднительных обстоятельствах «виноватого, посылать козла отпущения в пустыню ненависти и диффамации, делать из него пугало, изображая гнусным и неполноценным, дабы чувствовать себя немножко лучше, сильнее, благороднее...». Это об антисемитизме, потребляемом и исповедуемом чернью. Только ли чернью?

Томас Манн: «Мы в Германии испытали, к какой духовной нищете это приводит, когда интеллектуалы, ученые, писатели, мыслители – из ложного стремления к единению с народом, путая народ и толпу, опустились до уровня черни и унизились до духовной поддержки ее лозунгов. Они обесчестили себя и заслужили жалкую роль, которую играют теперь под каблуком черни. Свойственные черни качества не могут быть облагорожены с помощью предавшего себя духа: происходит обратное – дух унижает себя и оказывается в рабстве. Этому учит опыт».

Это об антисемитизме в нацистской Германии. Признавая его всенародность – от черни до элиты, – Манн заявляет о неприемлемости антисемитизма для немца. Почему? «Антисемитизм, – утверждает писатель-наставник, – вызывает возмущение каждого, кто знает, какие заслуги имеют немецкие евреи в области исследования и творчества». И далее: «дело не только в том вкладе, который внесли евреи в духовное становление Европы и который столь же велик, как вклад греков, и, на мой взгляд, совершенно исключает всякий антисемитизм. Прибавим к этому благодарность, признание важности, необходимости существования еврейского духа для современности и для будущего нашего континента».

Возвращаясь к идеям своего эссе «Гете и Толстой», Манн резюмирует: «Немец, воспитанный на Гете, для которого, по словам его учителя, имеет значение только вопрос "культура или варварство", не может быть антисемитом...»²³. Томас Манн вряд ли считал себя единственным немцем, «воспитанным на Гете». И, разумеется, он желал, чтобы таких немцев было больше, и его обращение служило тому, чтобы немцы вняли призыву быть учениками Гете. Таким был метод наставника Томаса Манна.

Напомню: это 1922 год. Идет пересмотр позиций себя «аполитичного». Именно тогда Манн, следуя своим убеждениям, возлагает на себя миссию наставника. В письме Эрнсту Бертраму он писал: «Мысль, по-настоящему мною сейчас вла-

---

²³ Манн Т. К проблеме антисемитизма / Там же. С. 192.

деющая, – это мысль о новом личном осуществлении идеи гуманности...». В феврале 1922 года писатель прочел доклад «Идея органической связи исповеди и воспитания». На идее воспитания, основанного на исповеди, сопоставлялось исповедально-педагогическое творчество великих наставников двух народов – Гете и Толстого. На этой же идее строил собственное творчество Томас Манн. Исповедь в отличие от простого признания своей вины (покаяние) аналитична. В ней представлены причины и обстоятельства произошедшего, своего участия в нем – тем она и воспитательна. Воспитание личным примером – самое убедительное. И эссе как «критическое наблюдение над собственной жизнью» всегда, по словам Т. Манна, сопровождало его творчество.

Для убеждения воспитуемых применяются разные методы. Пенитенциарные для наставника Манна неприемлемы. Он использует положительные стимулы – стремится убедить воспитуемых, что они такие, какими ДОЛЖНО БЫТЬ, и потому то-то и то-то скверное они, если и совершают, то вопреки своей природе. Отсюда стремление убедить немцев в их природной мудрой «серединности», отсюда же стремление убедить своих соплеменников, что их духовный отец – Гете и что уход от его уроков гуманизма (а заодно и уроков самого Манна) – это уход от своей истинной немецкости, серединной и гуманной по своей природе, мудрой по своему происхождению.

Метод взращивания и поощрения «хорошести», несомненно, самый гуманный, и именно по этой причине он был не способен выстоять против воспитательно-пропагандистских, исповедующих ненависть и подкрепленных сверхнасилием методов тоталитарных режимов.

Это так. Но Томас Манн, совмещая воспитание с исповедью, следовал СВОЕЙ миссии наставника неукоснительно.

Глава II. Томас Манн: «Христианство – духовный плод иудаизма». Очеловечивание и расчеловечивание. Теология романа «Иосиф и его братья»

1. «Серединность» и благочестие немцев, их связь с «учением народа Священного писания»

Что же в немецкой духовной культуре делает неприемлемым для немца всякий экстремизм и уж подавно антисемитизм? Повторю: в заключительной части эссе «Гете и Толстой» Томас Манн пишет о «серединности» немцев – их уникальной способности сочетать в себе природное начало с духовным, их органической чуждости всякому экстремизму – философскому, политическому, националистическому. Роль «серединности» в школе национального воспитания – особая тема в романе «Волшебная гора». «Немецкий дух, – писал Т. Манн, объясняя главную

идею этого романа, – значит то же, что "середина", а середина то же, что бюргерство...». Принимая на себя роль наставника, писатель стремится свое собственное постижение идеи срединности превратить в общенациональное достояние. Он верит, что своим примером, примером героя своего романа – простодушного Ганса Касторпа – может приблизить превращение должного в сущее, разумного в действительное. И до тех пор, пока нацизм существует как некая идеологическая доктрина, как политическая потенция, т.е. до тех пор, пока не выявлены реальные масштабы его укорененности и сила его влияния на немцев, Томас Манн стремится убедить себя и других, что единственное подлинно немецкое – это гуманность. В этом смысле истинно немецкое равнозначно общечеловеческому. Но общечеловеческое – это и истинно еврейское, которое формировалось на заре европейской цивилизации. Как это происходило, как шла кристаллизация человеческого в человеке?

Об этом роман-эпопея «Иосиф и его братья».

2. Танахическое понимание «срединности». Антинацистская предназначенность романа

«"Серединный путь" – это путь соединения национального начала, сущность которого всегда лежит в природе, с общечеловеческим, сущность которого – в духе... Торжественная встреча духа и природы, страстно стремящихся друг к другу, – это человек». Так афористично завершает писатель главу «Природа и нация» своего эссе «Гете и Толстой» (курсив Т.М.)²⁴.

Путь, который ведет к «торжественной встрече духа и природы», путь к человеку становится основным мотивом «поэмы о человечестве» – романа об Иосифе. Здесь он символизируется библейским «двойным благословением». «Настоящий и тайный мой текст есть в Библии, в самом конце истории, – пишет Т. Манн Э. Бертраму. – Это благословение, которое оставляет Иосифу умирающий Иаков: "От всемогущего благословен ты благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащими долу"»²⁵ (курсив Т.М.)²⁶.

Замысел романа об Иосифе в общих чертах складывается к 1923 году. Но еще раньше в эссе «Гете и Толстой», разясняя общечеловеческий смысл срединности своего народа, вознося хвалу оговорке и иронии, – которая и есть «пафос срединности», Томас Манн прибегает к языку Библии.

«... Я слышал, – пишет он, – что в еврейском языке слова "познание" и "уразумение" от того же корня, что и слово "между"». Действительно, эти и родствен-

²⁴ Манн. Гете и Толстой. С. 571.

²⁵ Бытие, 49:25. Привожу этот стих полностью: «От Бога, отца твоего, который и да поможет тебе, и от Всевышнего, который да благословит тебя благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцев и утробы».

²⁶ Манн. Письмо Э. Бертраму. С. 43.

ные им слова – однокоренные²⁷. Понятно, что Т. Манн «услышал» об этом лишь потому, что посчитал нужным адресовать некий вопрос еврейским авторитетам.

Но и сам вопрос вряд ли возник случайно: писатель много размышляет о библейских истоках общечеловеческой морали, ищет и находит то общее, что объединяет мудрость, свойственную народу Священного писания, и благочестие, присущее его собственному «серединному» народу.

«... Мне не случайно захотелось почитать Библию..., – говорил о возникновении замысла романа его автор в докладе «Иосиф и его братья». – Я был предрасположен чувствовать и мыслить в общечеловеческом плане ..., а эта предрасположенность была, в свою очередь, продуктом *нашего* времени, эпохи исторических потрясений ..., поставивших перед нами вопрос о человеке, проблему гуманизма во всей ее *ш и р о т е ...*» (курсив Т. Манна)²⁸.

«Что есть человек?» – в поисках ответа на этот вопрос, в поисках смысла бытия, своего назначения и места во вселенной пребывает Ганс Касторп, главный герой «Волшебной горы», а потом и Иосиф. «Волшебную гору» Томас Манн называл «предшественницей» «Иосифа». Эта книга, говорил он, «представляла собой попытку пересмотреть всю совокупность проблем, волновавших Европу на заре нового века»²⁹. Той же «заинтересованностью в человеке, которая не замыкается в рамках индивидуального, а распространяется на общечеловеческое», внушены и романы об Иосифе, в которых сам автор видел «окрашенную юмором, смягченную в своем звучании иронией ... поэму о человечестве»³⁰.

Трактовка мифа в «Иосифе» по самой своей сути отлична от современных приемов его использования, «приемов человеконенавистнических и антигуманистических»³¹. «Ведь слово "миф" пользуется в наши дни дурной славой, – пишет Т. Манн, – достаточно вспомнить о заглавии (*Миф XX века* – Л.Д), которым снабдил свой зловеший учебник присяжный философ германского фашизма Розенберг, этот идейный наставник Гитлера»³².

В романах об Иосифе миф радикально меняет свои функции. Т. Манн уподобляет его захваченному в бою орудью, которое разворачивают и наводят на врага. «В этой книге, – говорит писатель, – миф был выбит из рук фашизма, здесь он

---

²⁷ Даже не знакомый с ивритом читатель увидит общее в корнях слов *בין* (бейн) – между и *חכמה* (бина) – мудрость, разумение. В раввинистической литературе «серединность» трактуется как важный принцип поведения человека: «Дорога зрячих проходит посередине, слепые бродят по краям» (Вавилонский Талмуд). «Не следуй, человек, тропой ни огненной, ни снежной, а выбирай дорогу посередине» (Иерусалимский талмуд). «Срединный путь» – понятие, вошедшее в иврит. В словаре синонимов современного иврита, кроме других выражений, упоминается идиома «золотая тропа», соответствующая русскому «золотая середина».

²⁸ Манн Т. Доклад «Иосиф и его братья» / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 172-198.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

весь ... пронизан идеями гуманизма, и если потомки найдут в романе нечто значительное, то это будет именно гуманизация мифа» (курсив Т.М.)³³.

3. Теология романа как толкование мифологической истории становления человека-личности

Был ли роман об Иосифе книгой о евреях? Обращение к материалу Ветхого завета, конечно, не было случайностью, пояснял Томас Манн. Его выбор стоял в тесной связи с современностью, шел наперекор тенденциям, внушавшим ему «глубочайшее отвращение» и «особенно непозволительным для немцев». «Я имею в виду, – говорил писатель, – бредовые идеи расового превосходства, которые являются главной составной частью созданного на потребу черни фашистского мифа. Написать роман о духовном мире иудаизма было задачей весьма своевременной, – именно потому, что она казалась несвоевременной»³⁴.

Вместе с тем Томас Манн поясняет, что «все еврейское составляет в романе лишь его передний план». И далее: «... все мифологии мира – еврейская вавилонская, египетская, греческая – сплетаются в такой пестрый клубок, что читатель, полагавший до сих пор, что он держит в руках книгу библейских легенд о народе Иудеи, теперь вряд ли вспомнит об этом»³⁵. Может быть. И все же... Как соотносятся между собой еврейская и другие мифологии, намечается ли по крайней мере какая-то субординация в этом «пестром клубке»? Поясняет сам автор: «... сфера иудейских преданий и легенд, – пишет он, – повсюду покоится на подвешенных под нее опорах в виде элементов других, взятых безотносительно ко времени мифологий, так что они видны сквозь эту прозрачную среду»³⁶. Опоры – важная часть строящегося здания, но ясно, что они не оно само. Они могут проглядывать сквозь него как проглядывает сквозь формирующееся «дневное», «солнечное» самосознание человека, познающего единого Б-га, «лунное», «сумеречное» сознание, точнее, предсознание тех народов, которые продолжают поклоняться разным богам, творя себе кумиров и принося им человеческие жертвы. И потому, читая не только роман, но и доклад о нем, невольно приходишь к выводу, что в сказаниях об Иосифе прежде всего воплощены манновские представления об иудаизме как о «культурной основе бытия». И бытия, прежде всего, европейского, духовным фундаментом которого, писал Томас Манн, было иудеохристианство. При сходстве некоторых сюжетов в мифах разных народов все-таки возникает вопрос: какова роль египетской, вавилонской и даже греческой мифологии в формировании христианства, точнее, его нравственных максимумов? Сам Томас Манн неоднократно утверждал, что, дав миру единого Бога и десять заповедей, евреи заложили основы человеческой нравственности, духов-

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

ную основу западноевропейской цивилизации, основы ее христианской культуры, ибо «христианство является не чем иным как духовным плодом иудаизма».

Эти его представления об иудаизме нашли свое выражение в теологии романа, которая, по словам Т. Манна, выводится из «трактовки присущей Ветхому завету идеи *союза* между Богом и человеком» (курсив Т.М.)³⁷. Думаю, стоит чуть подробнее рассмотреть теологию романа и манновскую интерпретацию религиозности.

Специалистам хорошо известны источники, на которых Томас Манн строил художественно-философскую и историческую концепцию романа, его уникальную теологию. Доскональное изучение истории, археологии, фауны и флоры, языков, образа жизни и верований населения древних Палестины и Египта он органически сочетал с освоением и своим собственным толкованием текстов Торы. «... В изложении событий мой роман, – писал Т. Манн, – придерживается Книги Бытия, с неизменно шутливой серьезностью стараясь оставаться верным этому первоисточнику, и многие его места весьма напоминают толкование и комментарий Пятикнижия Моисеева, написанный каким-нибудь ученым раввином мидраша»³⁸.

Израильский исследователь рав Михаил Ривкин, анализируя ряд мидрашей Томаса Манна, демонстрирует читателю их адекватность первоисточнику, глубокое постижение смыслов Торы, их мудрую актуализацию. Более того, он полагает, что «все произведение Томаса Манна в целом построено по тому же принципу "гипертекста", что и традиционный еврейский мидраш». При этом писатель не только мастерски воспроизводит основные идеи и логику традиционных комментариев к текстам Торы, но существенно дополняет их собственными интерпретациями, вплетенными в сюжеты романа и выраженными в побуждениях, сомнениях, ошибках и праведных действиях его персонажей. Обновление религиозных текстов в мидрашах Т. Манна обусловлено приведением их в соответствие, во-первых, с теми научными знаниями, на которых основано его повествование, и, во-вторых, с запросами современной автору эпохи. Такой синтез обновляемой теологии с наукой, ее связь с запросами времени Михаил Ривкин считает главной особенностью Нового Интегративного Сознания, которое, по его мнению, нашло свое удивительно полное воплощение в романе Томаса Манна³⁹. На примере недельных разделов книги Брейшит, приведенных в статье, М. Ривкин показывает, как «работает» такой синтез, как он обеспечивает значимость и актуальность манновских мидрашей. Все эти тексты в его статье состоят из трех частей: а) сам недельный раздел Торы, б) мидраш Томаса Манна к нему, вплетенный в соответствующий сюжет романа, в) комментарий М. Ривкина, в кото-

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Ривкин М. Толкование недельных разделов книги Брейшит с позиций Нового Интегративного Сознания // Заметки по еврейской истории. 2016. № 1, 2, 3(189, 190, 191).

ром акцентируется непреходящая актуальность текста Торы и мидраша Томаса Манна. Рассмотрим один из этих мидрашей.

Выше уже шла речь о том, что теологию романа Томас Манн выводил из главной танахической идеи – идеи союза, договора между Б-гом и человеком. Именно об этом недельный раздел книги Брейшит «Лех Леха», в котором Б-г открывается Аврааму и между Б-гом и Авраамом, пишет Томас Манн, заключается «вечный завет, этот многообещающий для обеих сторон договор, к которому Господь относился настолько ревниво, что требовал от своего народа безраздельного, без какого бы то ни было заигрывания с другими богами, которых был полон мир, поклонения. Это было примечательно: с Авраамом и его заветом в мире появилось нечто такое, чего прежде в нем не было и чего народы не знали – проклятая возможность нарушать завет, отпасть от Б-га»⁴⁰. Но вместе с «проклятой возможностью» появилась и ее благодатная альтернатива, отличающая Авраама и его потомство от других народов, – возможность хранить верность единому Б-гу. «Авраам собрал разные силы в одну силу и назвал ее Г-дом – пишет Т. Манн, – ее одну и раз навсегда, а не только для праздника, когда в льстивых гимнах приписывают всю силу и отдают все почести какому-то одному богу..., чтобы на следующий же день и в соседнем храме пропеть другому богу это же самое»⁴¹. М. Ривкин показывает, что это новое – единобожие, верность и служение одному богу – привели и к новому в отношениях людей друг к другу – в семье (переход от полигамии к моногамии), в общении (верность в дружбе и в сотрудничестве), в отношениях людей и общества с властью.

Стремление к высшим целям ведет к развитию и совершенствованию обеих сторон союза – и Бога, и человека. Подобно тому, как Бог не может без помощи человеческого разума пойти вперед, так и разум человека не может развиваться без Бога. Отсюда начатый с Авраамом и с тех пор непрекращающийся диалог между Б-гом и человеком. Но уже при самом начале этого диалога человек формируется как личность, как «Я», и только с таким человеком возможен диалог, в котором вторая сторона выступает как «ТЫ». Вот как это видит Томас Манн, комментируя соответствующий раздел Торы. «Бог существовал, и Авраам ходил перед ним, освещенный в душе объективной Его Близостью ... Он был и в Аврааме, который познал Его благодаря Ему. Но это-то и придавало силу и вес собственному "Я" праотца; это веское, сильное Б-гом "Я" отнюдь не собиралось исчезнуть в Б-ге, слиться с Ним и перестать быть Авраамом, нет, оно очень смело и твердо противостояло Ему, – разумеется, на огромном расстоянии от Него, ибо Авраам был только человеком, перстью земной, хотя и связанной с Ним познанием и освященным существованием Б-га в качестве "ТЫ". На такой основе Б-г заключил с Авраамом вечный завет...»⁴².

⁴⁰ Манн Т. Иосиф и его братья. М., 2000. С. 373.

⁴¹ Там же. С. 369.

⁴² Там же. С. 373.

Начатый с Авраама и с тех пор непрерывающийся диалог между «Я» и «ТЫ», между человеком-личностью и Б-гом и есть основа религиозности, которую автор «поэмы о человечестве» понимает как «вдумчивость и послушание; вдумчивое внимание к внутренним изменениям, которые претерпевает мир, к изменчивой картине представлений об истине и справедливости; послушание, которое немедленно приспособливает жизнь и действительность к этим изменениям, к этим новым представлениям, и следует таким образом велениям разума» (курсив Т.М.)⁴³.

Так интерпретируется иудаистский принцип ответственности человека, который должен уметь распознавать «дурное, устаревшее, все то, из чего человек уже внутренне вырос, что стало нестерпимым, невыносимым или, на языке Израиля, "скверной"»⁴⁴. Становление человечества, человеческого в человеке совпадает с формированием «Я» – суверенной, ответственной, способной к самостоянию и одаренной самоосознанием и религиозным сознанием л и ч н о с т и. Личность кристаллизуется в длительном процессе круговращений, точкой отсчета которого Томас Манн избирает «рождение из первобытного коллектива Авраамова "Я"». «Притязания человеческого "Я" на роль центра мироздания являются предпосылкой открытия Бога»⁴⁵.

Но и внук Авраама, Иаков, хотя и видит в себе «подлинного героя драматической повести своей жизни», тоже еще пребывает «в плену нерасчлененности коллективного бытия». И лишь сын Иакова Иосиф – «освобождающаяся человеческая индивидуальность» – уже не только герой своей жизненной драмы, но и ее режиссер.

Если человеческое в человеке равнозначно его формированию как суверенной личности, то расчеловечивание есть процесс и результат уничтожения личностного в человеке⁴⁶. И Т. Манну ясно, что растление суверенной личности, ее возвращение в «нерасчлененность коллективного бытия» («массы»), расчеловечивание – это именно то, что несут с собой «диктаторско-террористические» режимы – нацизм и большевизм. И все, что происходило уже с самого начала противостояния им, – отказ Томаса Манна от аполитичности в пользу демократии, его защита разума против обскурантизма, его защита личности от расчеловечивания, его борьба против обретающего ужасающие формы истребительного антигуманизма – все это нашло опору в «поэме о человечестве», которая создавалась в течение двадцати лет – с 1923 по 1943 годы. «Большой эпический труд, прошедший со

---

⁴³ Манн. Доклад «Иосиф и его братья».

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Расчеловечение» – так назван раздел в книге *В стране зэка* Юлия Борисовича Марголина, русско-израильского писателя и философа, отбывшего шестилетнее заключение (1939-1945) в советском концлагере.

мною через все годы изгнания и придавший целостность моему бытию». Так определял для себя значение тетралогии об Иосифе ее автор⁴⁷.

Глава III. Катастрофа европейского еврейства и падение Европы. Томас Манн: Евреи – «самый упорный народ на земле – он был, он есть, он будет...»

1. Томас Манн о сущности тоталитарных систем. «Массовый человек» – опора антисемитской и милитаристской политики нацизма.

За годы, прошедшие от замысла романа до его публикации, завершилась краткая история Веймарской республики, нацисты пришли к власти, установив всеохватывающий «диктаторско-террористический» режим, острие которого было направлено против евреев, развязали Вторую мировую войну. При попустительстве западных демократий, которое нередко переходило в содействие, начали и продолжали преследование «народа Священного писания».

Томасу Манну было ясно, что так и не воплотилась в сущее преподанная им как исконно национальная и одновременно общечеловеческая идея «серединности», связывающая благочестие немцев с учением народа Священного писания. Напротив, становились реальностью социально значимые процессы расчеловечивания, которых он так опасался.

17 октября 1930 года (семь лет спустя после речи «О немецкой республике») в том же Бетховенском зале прозвучало воззвание Томаса Манна «Немецкая речь. Призыв к разуму». Писатель анализировал причины «сенсационного волеизъявления народа» – во время выборов в рейхстаг в 1930 году Нацистская партия набрала 6,4 млн. голосов и получила 107 депутатских мест в парламенте, в то время как в 1928 году за нее голосовало 810 тысяч немцев, и она получила всего 12 мандатов. Что обеспечило успех доказавшего «свою огромную притягательную силу национал-социалистического движения»? Мощная пропагандистская кампания, считает Т. Манн. Разрушалась вера в разум, славилось возвращение к язычеству, «к радикально враждебному гуманности вакхическому культу природы», шло «восхваление животворных сил бессознательного». Все это Томас Манн относит к духовным источникам нацизма, явным образом противостоящего христианству. К особо действенным идеям нацизма Томас Манн относит усиленно пропагандируемую нацистами «нордическую веру», которая «еще опаснее и еще страшнее затопляет и парализует мозги». Не используя этих разрушительных идей, нацизм вряд ли приобрел бы такую власть, какой он достиг, «став выразителем продиктованных чувством убеждений масс». И писатель заключает: в

---

⁴⁷ Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 207.

Германии (как и в России, реализующей «пролетарское учение о конце света») «фанатизм становится принципом спасения, восхищение – эпилептическим экстазом, политика – массовым наркотиком... Разум отвратил свой лик от людей...»⁴⁸.

За год до этого выступления в новелле «Марио и волшебник» Томас Манн, наблюдая предвыборную кампанию нацистов с активным участием в ней Гитлера и Геббельса, показал, как заезжий «волшебник» может умело просчитанной пропагандой гипнотически подчинять себе превращенную в покорную массу группу людей⁴⁹. Очнувшийся от гипноза Марио выстрелом, уложившем гипнотизера, демонстрирует действенное средство пресечения одурманивания людей и возвращения к ним разума.

Речь «Призыв к разуму», как и «Речь о немецкой республике», прерывалась топотом ног, воем и руганью. От расправы докладчика спас его друг, дирижер Бруно Вальтер, который вывел его через запасной выход к машине.

30 января 1933 года к власти в Германии приходит Гитлер. 11 февраля Томас Манн отправляется в кратковременное лекционное турне по Европе. День отъезда стал первым днем «полудобровольного-полувынужденного» изгнания из Германии, ставшего, в сущности, пожизненным.

Покинув Германию, Томас Манн напряженно следил за тем, что происходило в его злополучной стране. Его ужасает то, что кроется за «чудовищным и подлым обманом с пожаром рейхстага»⁵⁰. Писатель считает, что «поджог с одинаковым успехом могли совершить как нацисты, так и коммунисты, авторство может быть приписано и тем, и другим, ибо граница между ними в духовном и личностном отношении столь же размыта и нечетка, как граница между национал-социализмом и коммунизмом вообще. Я склонен усматривать подспудный смысл процесса в выявлении близости, родства и даже идентичности национал-социализма и коммунизма. Его результатом будет доведение *ad absurdum* ненависти и идиотской страсти к уничтожению друг друга. По существу, же этого вовсе не требуется, они лишь различные, – как различаются между собой братья, – выражения одного и того же исторического явления, одного и того же политическоего мира...»⁵¹.

Такое сходство объясняется общим для обеих стран государственным устройством – и в Германии, и в советской России восторжествовало тоталитарное государство, которое «не только является основой власти, но подчиняет себе все, также и культуру, и прежде всего ее, командует ею, знает, какой она должна быть, диктаторски беря себе исключительное право руководства, и, не допуская проти-

⁴⁸ Манн Т. Немецкая речь. Призыв к разуму / Сб. С. 122-127.

⁴⁹ Об универсальности такой пропаганды и соответственно о непреходящей актуальности работ Томаса Манна см. Эпштейн М. Марево и волшебник. Томас Манн и Russia Today // Новая газета. 19.01.2015.

⁵⁰ Манн Т. Из дневников / Сб. С. 143-144.

⁵¹ Там же.

воречий, сокращает ее до своих понятий...»⁵². Прежде, напомним, речь шла о сходстве, подобии, родстве идейных источников антигуманизма в стране Гете и в стране Толстого. Теперь же Томас Манн приходит к выводу о тождественности политических форм его воплощения в обеих странах: тоталитарного типа государство в равной степени враждебно западной цивилизации, идее свободы, истины и права как в провозгласившей диктатуру, антикоммунизм и истребительный антисемитизм фашистской Германии, так и в декларирувавшем демократию, интернационализм и антифашизм Советском Союзе.

Различия существовали таким образом в идеологическом оформлении тоталитарных режимов, в содержании и методах их пропаганды. Нацистская отличалась полной откровенностью, открыто провозглашала цели рейха – мировое господство арийской расы, тотальный антисемитизм, нацеленный на уничтожение евреев как народа, полное подчинение «новому порядку» других народов, славянских – прежде всего.

Активное сопротивление надвигавшемуся варварству отличало позицию Томаса Манна от позиции тех, кого он называл «ренегатами культуры». К ним он прежде всего относил Освальда Шпенглера, смирившегося с предсказанным им «Закатом Европы».

Призывая к действию, Т. Манн анализирует природу «массового человека» и разъясняет, почему именно этот «человеческий тип» становится опорой тоталитарных режимов, почему ему достается власть, как это блестяще показал Хосе Ортега-и-Гасет в своей книге *Восстание масс*. Искореняя культуру, эти режимы предоставляют полный простор антидуховному резонерству «массового человека», его смешанному с суеверием «мировоззрению», его стереотипам и предрасудкам. Провозглашая истинным все, что служит их «абсолютным принципам», подменяя истину мифом, а воспитание пропагандой, тоталитарные режимы вполне импонируют «взбесившемуся обывателю», который «кроме насилия верит только в ложь, и в ложь еще истовее, чем в насилие». Вождественную свободу от своего «я» и «избавление страха перед жизнью массовый человек находит в коллективистском опьянении», освящаемом идеологическими приманками, такими как величие государства, господство высшей расы, беспощадная борьба с врагами.

В противоположность Шпенглеру Томас Манн убежден: вторжение «массового человека» в цивилизацию не означает неизбежного конца европейского мира. «Европу ждет гибель в том и только том случае, если она продолжит свое отступление». Томас Манн предупреждает: если не избавиться от гипноза, если и дальше дать эксплуатировать принципы свободы и толерантности, если гуманизм не станет воинственным, «Европа сохранит свое имя только в истории»⁵³.

---

⁵² Там же. С. 143.

⁵³ Манн Т. Внимание Европа! / Сб. С. 158-172.

2. Противодействие нацизму в предвоенные годы

Обращение к Европе прозвучало в апреле 1935 года в Ницце. Но решение об открытом и адресном выступлении против нацизма вызревало с самого начала эмиграции. В сентябре 1934 года Манн пишет: «Национал-социализм – явление, которое совершенно выпадает из того, что мы называем европейским и цивилизованным... иногда мне становится стыдно, что я занимаюсь пустяками и уклоняюсь от долга сказать миру то, что следует ему сказать...» («Пустяками» Т. Манн называет свою работу над романом «Иосиф и его братья») ⁵⁴. То, что «следует сказать», фактически говорилось с 1922 года, то есть одним из первых, если не первым, из немецких интеллектуалов. Но против победившего нацизма оно первоначально формулировалось в дневниках и письмах. Публично же слово о господстве нацизма прозвучало в письме Эдуарду Корроди от 3 февраля 1936 года. «Твердая каждодневно питаемая и подкрепляемая тысячами человеческих, нравственных и эстетических наблюдений и впечатлений убежденность, что от нынешнего режима *нельзя* ждать ничего хорошего ни для Германии, ни для мира – эта убежденность заставила меня покинуть страну, с духовными традициями которой я связан более глубокими корнями, чем те, кто вот уже три года никак не решается лишить меня звания немца на глазах всего мира» (курсив Т. Манна) ⁵⁵. В письме Герману Гессе от 9 февраля 1936 года Т. Манн разъяснял свою мотивацию. «Я должен был однажды ясно заявить о своей позиции ради мира, где распространены неопределенные, двусмысленные представления о моем отношении к Третьей империи, а также ради самого себя, потому что мне душевно давно это было необходимо» ⁵⁶.

Почему же при всей «душевной необходимости» писатель воздерживался от публичных выступлений против нацизма в первые годы эмиграции? Кроме всего прочего, из опасений за судьбу родителей Кати, остававшихся еще в Германии. К тому же в Мюнхене оставалось все имущество семей Маннов и Прингсхаймов.

Вскоре после публикации письма Корроди Т. Манн был лишен германского гражданства – 2 декабря 1936 года, а 19 декабря ему было сообщено о лишении его звания почетного доктора философии Боннского университета. 31 декабря Т. Манн шлет ответ «Господину декану философского факультета Боннского университета». Ответ был опубликован уже в январе 1937 года вначале в газете *Нейе Цюрхер Цейтунг*, а затем – в виде брошюры, 10-тысячный тираж которой разошелся в течение нескольких дней ⁵⁷. Письмо, в котором автор показывал всю преступность милитаристского режима, способ существования которого – война, вызвал поток откликов.

⁵⁴ Манн Т. Из дневников / Сб. С. 150.

⁵⁵ Манн Т. Письмо Э. Корроди от 3 февраля 1936 г. / Письма. С. 79-85.

⁵⁶ Манн Т. Письмо Г. Гессе от 9 февраля 1936 г. / Сб. С. 341.

⁵⁷ Письмо г-ну декану философского ф-та Боннского университета / Сб. С. 10-188, 341.

В марте 1937 года Томас Манн выступает в Цюрихе в клубе студентов-евреев «Кадима» с лекцией «К проблеме антисемитизма». Как было показано ранее (см. гл. 1), именно в этой лекции писатель разъяснял, в чем варварская сущность нацистского антисемитизма и почему немец не может быть антисемитом. Лекция воспринималась как ответ на реализацию антиеврейских законов, принятых в сентябре 1935 года на нацистском «съезде победителей» (советский, предтеча Большого террора, состоялся годом раньше). Депутаты рейхстага, созванного вместе со съездом нацистской партии, поддержали расистское законодательство единогласно.

3. Томас Манн об отступничестве западных стран и их пассивной политике в отношении уничтожаемого европейского еврейства. Нацизм – цивилизационное Зло

После краткого пребывания в Швейцарии в 1938 году Т. Манн переезжает в США. И там свое слово, свой авторитет он ставит на службу тем силам, которые, «казалось, могли еще возвести плотину, преграждающую путь фашистской войне»⁵⁸. Его, однако, глубоко удручает отступничество этих сил. Западные демократии, целенаправленно следуя принципу невмешательства, обнаружили полное равнодушие «к судьбе немецкого народа, зверствам в концентрационных лагерях, пыткам и убийствам, преследованиям евреев и христиан ..., к изгнанию всего духовного, к террористическому, потрясающему основы западной цивилизации господству в центре Европы невежественного большинства»⁵⁹. В том же 1938-м году, что и цитированный сборник его политических статей, Томас Манн пишет доклад «О грядущей победе демократии», с которым объездил 15(!) городов Америки, подобно тому, как в 1921-м он объездил главные города Европы с докладом «Гете и Толстой».

Раскрывая исторические преимущества демократии, Томас Манн и тогда, и теперь видел разницу между «должной» и «сущими» демократиями. В канун войны он подвергал резкой критике «близорукую, слабую и бестолковую политику западноевропейских держав», предоставившую «национал-социалистическому режиму такую полноту власти, которая дает возможность этим людям творить, ничего не таясь и ни с чем не считаясь, решительно все»⁶⁰.

Пацифизм Запада был маской фашистских симпатий, он обернулся Мюнхеном 1938 года и стал «отчаянием всего мира». И хотя он знал всегда, пишет Т. Манн, что «всякая война, даже та, что ведется за человечество, оставляет после себя много крови, великую деморализацию, огрубление, оглушение», – тогда он «страстно мечтал о войне против Гитлера и подстрекал к ней»⁶¹.

⁵⁸ Манн Т. Вступит. статья к сб. «Внимание Европа!» / Сб. С. 241-244, 346.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Манн Т. Письмо Анне Джекобсон от 30 ноября 1938 г. / Сб. С. 244-246.

⁶¹ Манн Т. Письмо Г. Гессе от 8 февраля 1947 г. / Там же. С. 322.

Война против фашизма была борьбой против «упразднения всех нравственных достижений человека»⁶². И Томас Манн прилагал все усилия, чтобы не восторжествовал «циничный взгляд будто война была всего лишь борьбой держав за власть и закончилась победой лишь благодаря перевесу в силе»⁶³. Томас Манн стремится довести до сознания современников: нацизм – не просто военный противник, он последовательно и неуклонно уничтожает все устои цивилизации, он – ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗЛО. Пробное отравление газами четырехсот молодых голландских евреев Томас Манн оценивает в январе 1942 г. как «сознательное и демонстративное историческое действие», которым нацисты хотят войти в историю. Между тем, к этому сообщению в Америке отнеслись как к «ужасной выдумке»⁶⁴. Антисемитизм в руках нацистов – «не что иное, как средство, гаечный ключ для того, чтобы разобрать на части весь механизм нашей цивилизации». Миф о злобности евреев используется, чтобы завладеть миром, подтачивая его изнутри, привлекая «маленького человека эрзацем аристократизма: "может быть я никто, но, по крайней мере, не еврей!". Удар по евреям – "народу Священного писания" – был сигналом к началу общего похода против основ христианства. То, чему мы сегодня свидетели, не что иное, как еще одно восстание непобежденных языческих инстинктов против установленных десятью заповедями ограничений. ... Тем самым то, что происходит с евреями, – не только еврейский вопрос»⁶⁵.

Это должно было быть непреложной истиной для немцев, верных своим культурным традициям. Но должное и на этот раз не стало сущим. Слишком массовым было немецкое участие в антиеврейских «народных развлечениях», чтобы можно было воздержаться от собирательного понятия «немцы» и обобщающего – «Германия». Сущим для них стало иное, миру до того неведомое, – методичное, индустриально организованное истребление миллионов мужчин, женщин, стариков, детей, преданных мучительной смерти лишь потому, что они евреи. В годы, когда многие продолжали верить или изображать веру в то, что из Европы поступают всего-навсего «ужасные выдумки», Томас Манн делает все от него зависящее, чтобы довести до сведения и сознания современников масштабы и суть Катастрофы европейского еврейства. В сентябрьской радиоречи 1942 года (одной из 55 речей, регулярно выходивших в эфир в годы войны) он сообщает: «Сегодня дошли до уничтожения, до маниакального решения полностью стереть с земли европейское еврейство». В подтверждение цитируется радиоречь Геббельса: «Наша цель – уничтожить евреев. Победим ли мы или будем побеждены – мы должны достичь нашей цели, и мы ее достигнем». Как нам теперь известно, Геббельс озвучивает решение состоявшейся в январе 1942 года Ванзейской конференции, на которой нацистским руководством был принят рабочий план

⁶² Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 277-277, 350-351.

⁶³ Манн Т. О нюрнбергских процессах / Там же. С. 317-318, 355.

⁶⁴ Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 275-277.

⁶⁵ Манн Т. Опасности, грозящие демократии / Там же. С. 271-273, 348.

«окончательного решения еврейского вопроса». План приводился в действие, и Томас Манн, опираясь на данные польского правительства в изгнании, оповещает своих слушателей, что только «в Варшавском гетто гестапо замучило до смерти семьсот тысяч евреев, из одного только Минска – семьдесят тысяч. Знаете ли вы об этом, немцы?». Немцы и весь мир должны были также знать, что «тысячи евреев из Франции отправляются в товарных вагонах на Восток ..., что есть точный отчет о том, что не менее 11 тысяч польских евреев в течение четверти часа были превращены в трупы»⁶⁶.

Откуда эти цифры у польского правительства в изгнании? Теперь известно, что такие данные поставлял польский офицер Витольд Пилецкий, добровольно заточивший себя в Освенцим и бежавший оттуда в апреле 1943 года. Польское правительство пересылало эту полученную ценой смертельного риска информацию правительству Великобритании. В 1945 году Пилецкий представил полный отчет об Освенциме. Отчет был опубликован через 55 лет в 2000 !!! году. Польская «народная демократия» расстреляла Пилецкого в 1947 году. Сейчас он признан одним из выдающихся героев Второй мировой войны. Другой офицер Армии Крайовой Ян Карский, намеренно попавший в Варшавское и в другие гетто, откуда евреев отправляли в лагеря смерти, побывав и в самом таком лагере, одолев неодолимое, добрался до Лондона. Его отчет о планомерном уничтожении евреев был направлен правительству Великобритании. Весной 1943 года Карскому удается прорваться к Рузвельту. Президент и его окружение предпочитают не верить «таким ужасам». Карский вместе со своим отчетом представил обращенную к правительствам Декларацию еврейских лидеров, в которой предлагалось объявить нацистам, что в ответ на акции уничтожения евреев будет подвергаться бомбардировкам население Германии. Черчилль зачитал Декларацию в парламенте. Дальше общего возмущения и сочувствия дело не пошло. Резон – почему только на еврейские акции? Как к этому отнесутся русские и другие народы, бывшие под оккупацией? Как бы отвечая на этот резон, Томас Манн писал: «Другие народы также испытали на себе безжалостность нацистов... Но только евреи были приговорены к истреблению»⁶⁷.

Голос Томаса Манна не был голосом из хора. Он нарушал вполне злонамеренное замалчивание. Летом того же 1943 года Томас Манн доводит до сведения цивилизованного мира, что число погибших, уже исчисляемое миллионами, «поскольку эти страшные акции проводятся во все больших размерах», продолжает возрастать. «Из них более всего евреев из Восточной Европы, то есть тех людей, кого изобретатели германской расы господ считают вредными насекомыми и потому заявляют, что призваны очистить от них землю. В действительности же восточноевропейское еврейство – резервуар культурных сил и почва, на которой выросли гении и таланты, обогатившие западную науку и искусство». И Томас

---

⁶⁶ Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 412-414.

⁶⁷ Упорный народ / Там же. С. 425-428.

Манн обращается к окружавшим его столпам демократии: «... мы, которые хвастливо считаем себя борцами за гуманизм и человеческое достоинство, должны спросить себя, делаем ли мы хотя бы все, что в нашей власти, чтобы смягчить неопишуемые страдания, которые обесценивают всякий гуманизм»⁶⁸. Писатель напоминает о корабле с еврейскими беженцами, «который в 1939 году как призрак блуждал по морям, и ни один порт его не принимал, пока наконец эмигрантов не приютили маленькие страны, Голландия и Бельгия. *Мир в лености сердца своего разрешил Гитлеру насмехаться над этим*» (курсив мой – Л.Д.)⁶⁹.

Томас Манн говорит о корабле «Сант Луис» с 930 еврейскими беженцами на борту. Полгода спустя после «хрустальной ночи», в мае 1939 года он взял курс на Кубу. По прибытии оказалось, что все визы пассажиров аннулированы и в Кубу им въезд запрещен. Корабль простоял на рейде несколько дней, в течение которых шли переговоры о разрешении на въезд с правительством США и других стран. Отказ был повсеместным. Правительство Кубы потребовало немедленного отплытия корабля, в противном случае он будет атакован силами военного флота. В июне корабль с истощенными и отчаявшимися людьми вернулся к берегам Европы. Капитан Густав Шредер приложил невероятные усилия, чтобы хоть часть его пассажиров взяли европейские страны. Англия приняла 287 человек. Франция – 224, 214 – Бельгия, 151 – Голландия. Спаслись принятые Англией, остальные разделили судьбу евреев оккупированных нацистами стран.

Томас Манн задается вопросом: «Почему евреям не было предоставлено убежище, когда еще было на это время, в странах, где было достаточно места и где могли пригодиться рабочие руки, хотя бы временное убежище, без обязательства оставить их там навсегда?»⁷⁰. Причина ему известна. «... Кровавая расправа с евреями вызывает всеобщее одобрение, в лучшем случае наталкивается на равнодушие», – признается он в дневнике⁷¹. Других же он убеждает: «Но и сегодня (1943 год) еще не поздно. Иммиграционные законы в крупных демократических государствах установлены для нормального времени... С бюрократическим равнодушием придерживаться их в сегодняшних условиях..., – разъяснял истинный смысл злокачественного бездействия «демократов» Т. Манн, – значит показать фашистским врагам ахиллесову пяту вместо того, чтобы, изменив на время эти законы, доказать, что война действительно ведется во имя гуманности и человеческого достоинства»⁷².

Похоже, подобные соображения вообще не приходили в головы руководителей демократических государств, прибывших на конференцию в Эвиан (Франция) в июле 1938 года. Конференция, на которую прибыли представители 32 государств, была созвана по инициативе Рузвельта и посвящалась одному вопросу –

⁶⁸ Гибель евреев Европы / Там же. С. 417-419.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Манн Т. Из дневников / Там же. С. 415.

⁷² Манн Т. Гибель евреев Европы / Сб. С. 418-419.

о предоставлении убежища политическим беженцам. Речь, прежде всего, шла о евреях, положение которых резко ухудшилось после оккупации Австрии (аншлюс) нацистами в марте 1938 года. Конференция длилась почти две недели (5-16 июля), успели выступить представители многих стран трех континентов – Европы, Америки, Австралии. В результате были приняты решения, которые продемонстрировали, что НИ ОДНА СТРАНА В МИРЕ не хочет впускать евреев. Понятно, такие решения окончательно развязали Гитлеру руки. Об этом и пишет Т. Манн, вероятно, имея в виду Эвианскую конференцию: «Гитлер бросил вызов миру: "Если вы такие гуманисты, почему же вы не принимаете евреев? Но вы не готовы это сделать, ни одна страна не готова"»⁷³.

Многие трактуют, и не без основания, БЕЗ-действие свободного мира как его СО-действие Гитлеру. Во всяком случае, спустя всего четыре месяца после Эвиана, в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года в Германии прошли ужасающие погромы, известные как «Хрустальная ночь». Началось повальное бегство евреев из подвластных Гитлеру территорий. Но бежать было некуда – корабль «Сант Луис» и другие подобные истории тому доказательство.

Отступничество «демократов» показало, что истинные цели войны – сохранение человека и человечности, то есть гуманизм, требуют своего дальнейшего разъяснения. И Томас Манн перемещает бой на другое поле – поле цивилизационного противостояния, на СВОЕ поле. Более адекватным борьбе на этом поле является искусство. И он присоединяет к «писательству» – к прямым своим воззваниям и обращениям – «музицирование». Манн принимает предложение на участие в сборнике, каждый из десяти авторов которого художественно интерпретировал одну из Заповедей Декалога применительно к событиям того времени. Манн написал предисловие к сборнику, оно было названо «Закон».

Закон гуманности – это Декалог, полученный Моисеем на горе Синай. Рассказ о даровании Торы и законодательстве, которое, писал Т. Манн, «я представляю как некий микеланджеловский труд скульптора над необработанной глыбой – народом»⁷⁴. Рассказ этот был закончен 13 марта 1943 года одновременно с завершением цикла романов об Иосифе. Отвечая на письмо израильского писателя и теолога Шалом Бен-Хорина, Томас Манн разъяснял: «...специфически-еврейское не было в моем сознании на первом плане... Важна была для меня идея цивилизации, человеческой нравственности, символ которых – десять слов Закона, полученного с горы Синай». Это письмо составители сборника *Томас Манн о немцах и евреях* получили из рук адресата, но его письма к Т. Манну у него не сохранилось. В своем письме Томас Манн благодарит израильского ученого за «трогательную, приведшую меня в смущение статью ко дню рождения, которая в человеческом и литературном отношении принадлежит к лучшему из дружеских одобрений моей жизни, полученных за эти недели». Далее он пишет:

---

⁷³ Там же.

⁷⁴ Письмо к А. Мейер / Там же. С. 428-429.

«... Как хорошо я понимаю, что у Вас внутренне есть возражение по поводу тона, в котором я позволил себе рассказать историю Моисея. Туда вторгся, неожиданно для меня самого, вольтеровский элемент, которого еще нет в книгах об Иосифе, хотя и они – нечто вроде юмористической песни о человечестве. Не случайно я перечитывал "Кандида", когда писал "Закон", что, учитывая традиционную еврейскую чувствительность, может произвести плохое впечатление». И он повторяет: «Но специфически еврейское не было в моем сознании на первом плане, точно также, как "Моисей" внешне совершенно не похож на еврея, скорее он выглядит как Микеланджело (не как его "Моисей", а как он сам)»⁷⁵.

Томас Манн придавал большое значение сборнику о «Декалоге». В радиоречи о публикации он говорил, что все его авторы показывают «кошунственное осквернение, которому подвергся основной закон человеческой порядочности со стороны сил, против которых после долгого промедления поднялся с оружием мир, еще приверженный религии и гуманности. Другими словами, в книге речь идет о войне и о том, во имя чего она ведется»⁷⁶.

Естественно, что каждый из народов, вовлеченных в бойню, сражался в первую очередь за свое сохранение и свою свободу. В этой борьбе участвовали и более полутора миллиона евреев, воевавших в составе союзнических армий, и только часть из них думала о спасении евреев как народа.

Томас Манн считает своим долгом показать, что кроме ясной для каждого цели – защиты себя и своего народа, война ведется и во имя общих целей. Именно потому, что целеустремленное истребление еврейства – и по замыслу, и по исполнению, и по результатам – означало крах духовных устоев цивилизованного человечества, защиту и спасение евреев оно должно было осознать как одну из своих общих задач, как задачу общечеловеческую.

Должное, однако, снова – и в разгар Катастрофы, и в послевоенном мире – продолжало далеко отстоять от сущего.

4. Западные державы и их отношение к евреям в послевоенном мире

Война еще не кончилась, но Томас Манн выражал сомнение в способности Организации Объединенных Наций создать после войны лучшее, достойное человека общество, если ООН «окажется виновной в несправедливости и в измене достойному уважению людскому племени, которое под властью общего врага, его презренной одержимости творить зло, с самого начала испытывало страшнейшие страдания»⁷⁷.

Статья «О Белой книге» была написана в 1944 году. «Белая книга» – так назывался отчет британского правительства парламенту о деятельности в подмандат-

⁷⁵ Манн Т. Письмо Ш. Бен-Хорину / Там же. С. 431. В сборнике письмо публикуется впервые и сразу на русском языке в переводе Е. Фрадкиной.

⁷⁶ Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 415-416.

⁷⁷ Манн Т. О белой книге / Там же. С. 419-424, 446.

ной Палестине. С 1922 по 1939 гг. было выпущено шесть «Белых книг». Последняя, 1939 года, резко ограничивала еврейскую иммиграцию, а по истечению пяти лет, то есть с марта 1944 года, въезд евреям должен был быть запрещен, «если арабы будут возражать против иммиграции». «Английская "Белая книга" от мая 1939 года, – писал Т. Манн, – превращает обещанный в 1917 году Национальный очаг в Палестине в ограниченное сроком убежище и тем самым уничтожает его смысл и ценность». Что касается арабов, то они «более всего выиграли от созданных там евреями новых промышленных, сельскохозяйственных, агрокультурных, гигиенических предприятий, их численность увеличилась вдвое. ... А если арабы другого мнения, то в их распоряжении территория, в сто раз большая, чем Палестина». Исходя из всего этого, Томас Манн настаивал на отмене английской «Белой книги» и обращался к правительству Соединенных Штатов с просьбой «подтвердить свою постоянную заинтересованность в мандате на Палестину и в развитии Еврейского Национального Дома ... В отношении к еврейству держав, обладающих правом решать, можно усматривать своего рода пробный камень – честно ли они воевали, по праву ли победили, действительно ли представляли лучшую часть человечества против худшей, дано ли им выиграть мир»⁷⁸. Надежду на настоящий мир, основанный на справедливости и человеческом достоинстве, Томас Манн связывает с решением еврейского вопроса, «который, конечно, не есть единственная проблема нашего времени, но он ... может считаться пробным камнем нашей цивилизации и ее желания служить Добру»⁷⁹. «Пробный камень» сработал не в пользу нашей цивилизации. Иммиграция евреев в Палестину пресекалась со все большей жестокостью. А в Европе, констатировал Т. Манн, «ядовитые семена, посеянные Гитлером, глубоко запали в сбитые с толку европейские умы». Антисемитизм, который, казалось бы, должен быть отвергнут всем миром, продолжает существовать, и народ, обреченный принести самые страшные жертвы, «вынужден еще и сегодня вести в Европе жизнь парий и терпеть тяжелейшую нужду»⁸⁰.

Народ, оказавшийся в очередной раз в роли парий, точнее, часть его уцелевшей части, с полной определенностью заявила о своем решении самим и на своей земле распоряжаться своей судьбой. Это стремление, как можно видеть по цитированной выше статье «О "Белой книге"», встретило полную поддержку Томаса Манна.

5. *«Самый упорный народ на земле, он есть, он был, он будет...»*

Евреи, понесшие самые страшные потери, воспринимались большинством как пассивная масса, покорно шествующая на казнь. На самом же деле какие евреи

---

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Манн Т. Спасите евреев Европы / Там же. С. 432.

⁸⁰ Там же.

«добровольно» собирались в «массы» (говорили нередко «в стадо, как овцы»), далее гонимые на «коллективную плаху» (Василий Гроссман, «Треблинский ад»)? В подавляющем большинстве это были женщины, старики, дети, были и мужчины, обманутые нацистскими грозными приказами о переселении, за невыполнение которых – расстрел. Но и в среде этих обреченных зрело сопротивление. Сейчас известны многочисленные восстания в гетто и совсем уже невыносимые – в лагерях смерти Собиборе, Треблинке и Освенциме. В результате два крупнейших центра уничтожения евреев – Собибор и Треблинка – перестали существовать. «Да не в конце войны, а из под немцев, налитых еще полной силой – в 1943 году», – пишет историк Катастрофы Анатолий Кардаш⁸¹. В том же 1943 году было не одно обращение к союзникам с просьбой разбомбить хотя бы подъездные пути к фабрикам смерти, но, как известно, они продолжали функционировать на полную мощность почти до самого конца войны, вплоть до их освобождения Красной и армиями союзников.

И только благодаря невыносимому в таких лагерях восстанию самих евреев исполнение «окончательного решения» в двух из них было пресечено. Эти восстания, как и восстание в Варшавском гетто, нельзя расценивать как «бои местного значения». Уничтожение лагерей смерти – это удар по нацизму как таковому, по его целям, по его главным для него планам – планам тотального уничтожения всего еврейского народа с предварительным низведением умиротворяемых людей до животного состояния. Сопротивление евреев, их героизм доказывали их человекостойкость. И недаром мемориал Катастрофы в Иерусалиме Яд ва Шем называется музеем памяти и ГЕРОИЗМА. Но введенный Европарламентом «Международный день памяти жертв Холокоста» называется, как мы видим, иначе. Он отмечается 27 января ежегодно, начиная с 2005 года, в ознаменование годовщины освобождения Освенцима Красной Армией. Полком, первым вошедшим в лагерь смерти, командовал полковник Григорий Давидович Иерусалимский, один из полумиллиона евреев, воевавших в Красной Армии. День памяти Катастрофы в Израиле, кроме Международного, особо отмечается в апреле, он приурочен к началу восстания в Варшавском гетто. Возникает вопрос: не пора ли и на международном уровне перестать культивировать стереотип евреев лишь как беспомощных жертв? (Правильнее – оставленных без помощи жертв механизированной системы уничтожения целого народа.) В общей борьбе с нацизмом евреи были полноценными ее участниками, действенными и результативными партнерами других народов везде – в воюющих армиях (полтора миллиона), в партизанских отрядах, в подполье, в движениях сопротивления и, наконец, самостоятельно в восстаниях в гетто и лагерях смерти.

---

⁸¹ Аб Мише (А. Кардаш) Преображения еврея. Тель-Авив, 2013. С. 132. В этой книге, посвященной многообразию борьбы евреев с нацизмом, Кардаш пишет о руководителе восстания в Собиборе Александре Печерском – он был у него в Ростове в 1983 году – и с его слов о самом восстании евреев.

Думаю, Томас Манн одобрил бы день памяти Катастрофы, как его принято отмечать в Израиле. Еще в годы войны ему стало известно о восстании в Варшавском гетто. Томас Манн высоко оценил героизм его организаторов и участников. Выступая весной 1944 года на выставке документов, приуроченной к памявному дню – 19 апреля 1943 года, годовщине «незабываемого героического восстания евреев Варшавского гетто против их мучителей», – Манн выражает уверенность, в том, что «еврейскому духу и его освященному религией пониманию действительности уготована еще важная роль при созидании социального мира, черты которого постепенно начинают обозначаться»⁸². В том же 1944 году, в сборнике, посвященном семидесятилетию Хаима Вейцмана – «естествоиспытателя высочайшего ранга ..., мудрого и влиятельного руководителя еврейского народа», проявившего такое воодушевление и такой характер, что его «можно считать звеном в неразрывной цепи – от Амоса до Иезекиля», – Томас Манн называет евреев древним, талантливym и необходимым миру народом. «Нет равного еврейскому народу, – пишет он, – в самостоятельности, твердости, храбрости ... Он самый упорный народ на земле, он есть, он был, он будет...»⁸³.

Томас Манн – и это очевидно – не ограничивает вклад евреев в мировую культуру их духовным творчеством в древности. Ему абсолютно чуждо отношение к евреям как к историческому реликту, представление о том, что их живая история давно исчерпалась. Представление, которое на протяжении двух тысячелетий культивировалось христианской церковью и которое нашло также поддержку у некоторых ученых – так, например, считал французский историк раннего христианства Эрнест Ренан. Еще в довоенном 1937 году Т. Манн говорил о принципиально важном участии еврейской части населения Германии в немецкой культуре, и более того, – о «важности, необходимости существования еврейского духа для современности и для будущего нашего континента».

Мир нуждался тогда и нуждается теперь «в еврейской нации и ее своеобразии так же, как он нуждается для своего существования и прогресса во всяком другом варианте и оттенке человеческого и национального характера». Стойкость еврейского народа, его «живое внимание к новому, несущему в себе будущее, окажутся необходимыми и обязательными во все грядущие времена».

---

⁸² Манн Т. Еврейскому рабочему комитету / Там же. С. 428.

⁸³ Манн. Упорный народ. С. 425-427.

Глава IV. Евреи в жизни и в творчестве Томаса Манна

Евреи гетто, их будущее – европеизация

Столь высокие оценки духа еврейского народа и его вклада в историю, бескомпромиссное «нет» антисемитизму отнюдь не означали манновского «да» всем и всякого рода евреям. Томасу Манну чуждо абсолютное, легко переходящее в свою противоположность юдофильство, когда о евреях, как о покойниках, говорят хорошо или никак. «Нет», как «и да, и нет» могло относиться к современным евреям, которых писатель хоть и считал потомками их древних праотцов, но относился к ним иначе, чем к евреям библейских времен. Различие в оценках древнего и современного еврейства – явление довольно распространенное, прежде всего в определенных сионистских кругах, но не только. Сионисты (не все) стремились радикально порвать с еврейским бытием в диаспоре и прежде всего с жизнью и жителями гетто. И Томас Манн тоже различает евреев гетто и современных ему европеизированных немецких евреев. Но, в отличие от сионистов, в начале века, в статье 1907 года он видит решение еврейского вопроса не в репатриации в Палестину, а в европеизации. Даже не столько в ассимиляции, подчеркивает он, «сколько в *европеизации*», ибо именно она, «равнозначна облагораживанию, достижению более высокого положения в обществе расы, несомненно, выродившейся и обнищавшей в условиях гетто, в возвращении к возвышенному и облагороженному типу еврея...» (Курсив Т. Манна). (Во время написания статьи понятие "раса" часто употреблялось наряду и вместо понятий «нация», «народ») ⁸⁴.

Хотя в этой статье Т. Манн говорит о себе: «я убежденный и непоколебимый "филосемит"» (беря, впрочем, это понятие в кавычки), его отношение к «евреям гетто» явно отличается от отношения к европеизированным евреям. «Две тысячи лет позорной замкнутости» привели к появлению такого типа еврея, который порождает представление о нем «как о существе горестном и одновременно беззастенчивом, чужеродном и нечистоплотном... физически антипатичном». Но за последние сто лет среди экономически процветающего еврейства все больше появляется молодых людей, «с детства приученных к английскому спорту, выросших в условиях во всех отношениях благоприятных, таких стройных и привлекательных, что каждой милой немецкой девушке или каждому юноше должна показаться вполне приемлемой мысль о смешанных браках» ⁸⁵.

⁸⁴ Манн Т. О решении еврейского вопроса. Там же. С. 361.

⁸⁵ Там же. С. 361, 362.

Новелла «Кровь Вельзунгов» и ее роль в жизни и формировании убеждений Томаса Манна

Томас Манн и есть тот самый немецкий юноша, для которого, впрочем, не просто была приемлема мысль о смешанном браке, а который почти год добивался согласия еврейской девушки на этот брак. После долгого периода неопределенности, для него и тягостного, и, возможно, его уязвляющего, Томас Манн женился на очаровательной Кате Прингсхайм, дочери крупного ученого, профессора математики Альфреда Прингсхайма, очень богатого человека, владельца музейной ценности и красоты дома, собирателя ценнейших коллекций произведений искусства, одного из основателей вагнеровских фестивалей в Байрейте. Мать Кати – дочь писательницы Хедвиг Дом, сама не чуждая литературных интересов, в описании зятя, «красавица в ленбаховском вкусе». Брат-близнец Кати Клаус – музыкант, старший брат – ученый. Сама она была первой девушкой, допущенной в Мюнхенский университет для изучения математики. Как можно видеть, все в доме и семействе Прингсхаймов вполне соответствовало манновскому представлению о европеизированных евреях.

Но... спустя всего несколько месяцев после свадьбы, состоявшейся в феврале 1905 года, счастливый брак мог развалиться. Виной тому была новелла «Кровь Вельзунгов», подготовленная к печати в январском номере 1906 года в журнале *Нойе Рундшау*. Писалась она по следам томительного ожидания решения Кати, и не исключено, что некоторые из переживаний того времени отразились в пародийности фабулы новеллы и в обрисовке ее персонажей. Сам автор назвал ее в письме брату Генриху от 28 февраля 1905 года «историей на еврейскую тему»⁸⁶.

Герои новеллы – члены богатой еврейской семьи Ааренхольдов. По составу она такая же, как и семья Прингсхаймов, однако все ее персонажи, как будто имевшие своих прототипов в семье Прингсхаймов, были абсолютно на них не похожи. Но сам дом-музей Ааренхольда и своей архитектурой, и своим изысканным убранством, и наличием художественных коллекций был почти копией дома Прингсхаймов. Это подобие, так же как некоторые общие черты семейной истории герра Ааренхольда и профессора Прингсхайма, детальнейшим образом описаны в статьях Евгения Берковича, одного из самых основательных исследователей еврейской темы в творчестве Томаса Манна, в частности, в новелле «Кровь Вельзунгов». Д-р Беркович (моя дискуссия с ним длится не первый год) утверждает, что «Кровь Вельзунгов», как и другие ранние новеллы Томаса Манна, демонстрирует «двуликость Волшебника», его антисемитизм, который, считает он, сохранялся на протяжении всей жизни писателя⁸⁷. Оказалось, что это мнение разделяется и многими другими, также, как и Е. Беркович, не понимающими то-

⁸⁶ Цит. по статье Берковича Е. Томас Манн глазами математика // Семь искусств. 2015. № 12(69).

⁸⁷ Беркович Е. Двуликий волшебник // Еврейская старина. 2017. № 4.

го, что отличает тотальный идеологический антисемитизм, нацеливающий на уничтожение евреев как народа, от эмоционального неприятия евреев, подпитываемого порой негативными еврейскими стереотипами. С тотальным антисемитизмом, как было показано выше, Томас Манн боролся с первых его проявлений. В ранних же новеллах образы еврейских персонажей действительно включали черты негативных стереотипов, но «Кровь Вельзунгов», написанная в 1905 году, была последней в этом ряду.

Теперь к самой новелле. События, происходящие в доме Ааренхольдов, в чем-то подобны тому, что происходило в доме Прингсхаймов. Заканчивается время помолвки дочери Ааренхольда Зиглинды и близится день ее свадьбы с фон Бекератом – чиновником «из хорошей немецкой семьи». Единственный немец среди действующих лиц, он не менее пародиен, чем еврейские персонажи. «Маленький, желтый, как канарейка, с остренькой бородкой и усердно учтивый» он явно нелюб невесте, и вместе с братом-близнецом Зигфридом она откровенно потешается над ним во время изысканной семейной трапезы. Зигфрид просит у незадачливого жениха разрешения пойти вдвоем с сестрой в оперу – дают «Валькирию» Вагнера. Близнецы после спектакля возвращаются в свой нагретый горящим камином будуар, и здесь, на расстеленной перед камином медвежьей шкуре происходит инцест. После чего возникает вопрос: «а как же Бекерат?». Были два варианта концовки, подробно рассмотренные Е. Берковичем во всех изданиях новеллы. Первый вариант авторский – Манн специально консультировался у тещи, как на идише сказать «обмануть», «обворовать». Получив ответ, он, неправильно используя глагол на идише, завершает новеллу так: он «обманут» или, точнее, «обворован» – «Беганефт мы его – гоя!». Редактор журнала доктор Оскар Би запротестовал против такой концовки как «оскарбляющей чувство стиля». В результате появился второй вариант: «Ну, он должен быть нам благодарен. Теперь у него жизнь будет менее тривиальной».

Доктор Би к своему обоснованному аргументу мог бы добавить еще один. Авторская концовка не только не соответствовала стилю всего рассказа, но и нарушала цельность образов близнецов. Вряд ли они знали идиш и тем паче использовали его. Как пишет Т. Манн, «они презирали отца за происхождение, за кровь, что текла в его жилах и которую они от него унаследовали, за способ, каким он достиг богатства, за его пристрастия, которые ему не подобали ... Он знал это и считал их в какой-то мере правыми: он не был свободен от чувства вины перед ними»⁸⁸. При таком национальном самопрезрении, которое, кстати, претило самому Манну, кто бы стал обучать детей идишу?! Языку гетто, где по признанию самого Ааренхольда, он ощущал себя «червяком, вошью, но именно способность ощущать это так глубоко и презирать себя стала причиной упорного и никогда не

---

⁸⁸ Манн Т. Кровь Вельзунгов // Зеркало. Тель Авив. 1995. № 124, май. С. 45. Перевод Е. Фрадкиной.

удовлетворенного стремления, которое сделало его большим человеком»⁸⁹. И такой еврей стал бы обучать своих детей языку гетто, то есть как бы возвращать их в свое жалкое исходное состояние? Это бы никак не соответствовало реальности – известно, что в семьях, устремленных к ассимиляции, родители, знавшие идиш, при детях на нем говорили в тех редких случаях, когда что-то нужно было от них скрыть.

Герр Ааренхольд принадлежит к первому поколению евреев, вышедших из гетто, то есть он принадлежит к тем восточным евреям, которых Т. Манн противопоставлял европеизированным немецким. Богатство профессора Прингсхайма досталось ему в наследство от деда, тоже выходца из восточных евреев, который нажил свое огромное состояние путем, похожим на путь герра Ааренхольда, то есть, как сказано в новелле, «благодаря смелым и умным операциям, великолепным махинациям с рудниками и разведкой каменного угля»⁹⁰. На том подобие семейных историй литературного персонажа и ошибочно считавшегося его прототипом профессора Прингсхайма исчерпываются. Подобие Ааренхольда тестю Манна исключено еще и потому, что никакого национального отступничества, тем более национального самопрезрения у такой самодостаточной личности как Альфред Прингсхайм не было и быть не могло. Он категорически отказался креститься, хотя было хорошо известно, насколько такой шаг способствовал бы укреплению профессионального статуса еврея ученого. И у других персонажей новеллы с членами семейства Прингсхаймов никакого подобия не наблюдается. Также как единственный немец в новелле, жених Зигмунды, не мог быть хоть в чем-то похож на жениха, а потом многолетнего спутника жизни Кати Прингсхайм. Так что слухи о том, что Томас Манн карикатурно изобразил семейство своей невесты, а потом жены, были лишены основания.

Первый перевод новеллы «Кровь Вельзунгов» на русский язык был сделан светлой памяти Евгенией Семеновной Фрадкиной, превосходным германистом, моей коллегой по составлению сборника публицистики Томаса Манна, названного нами *Томас Манн о немцах и евреях*. Перевод публиковался в 1995 году в израильском журнале *Зеркало* (№ 124) с вторым вариантом концовки и в сопровождении статьи Е. Фрадкиной «Человеческий материал», в которой было показано, как Томас Манн решает проблему связи, соотношения прототипа и художественного образа, в чем необоснованность претензий «прототипов» к писателю.

Отношение Томаса Манна к евреям было темой остро дискуссионной, и после одного диспута в Еврейском университете нам стало ясно, что необходим не только перевод новеллы, но и подробный комментарий к ней. Один из докладчиков рассуждал об антисемитизме Томаса Манна, основываясь в первую очередь на новелле, но и приводя примеры негативных образов евреев из других произведений писателя. Он даже назвал чуть ли не позорным решение посвятить одну

---

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

из роцц возле Хайфы памяти Томаса Манна. При этом, говоря об антисемитизме Томаса Манна, докладчик основывался лишь на характеристике негативных персонажей в художественных произведениях писателя, не касаясь концептуального контекста этих произведений, и применял обобщенное понятие «антисемитизм», не делая различий между идеологическим антисемитизмом и эмоциональным, нередко определяемым негативными стереотипами неприятия тех или иных евреев. При этом полностью игнорировалась борьба Томаса Манна именно с идеологическим антисемитизмом, прежде всего с тотальным нацистским, нацеленным на уничтожение евреев как народа.

А сейчас снова о новелле. Ее, как и все произведения Томаса Манна, нельзя рассматривать вне тех концепций, которые в то или иное время были в центре размышлений писателя. Декаданс как особенность эпохи – вот что концептуально объединяет «Будденброки» и «Кровь Вельзунгов». Но декаданс разных, хотя и сосуществующих, и сопряженных друг с другом миров. И декаданс еврейской семьи, сами его стадии – от дееспособности отца к сибаритству и вседозволенности детей (инцест) – существенно отличаются от стадий декаданса немецкой семьи. И отношение к ним писателя тоже совершенно иное: в немецком варианте – это печаль, глубокое сопереживание, в еврейском – акцент на его неэстетичности, но главное – это его пародийность по отношению к истинно трагичному немецкому. Вторичность всего еврейского, прежде всего в творчестве, – один из основных мотивов антисемитской брошюры Вагнера *Еврейство в музыке*. Близнецы Зигмунд и Зиглинда (так звали и близнецов, персонажей оперы Вагнера «Валькирия») отправляются слушать эту оперу перед пародийным воспроизведением ее либретто. Вместо урагана в лесу – будуар с натопленным камином, вместо звериной шкуры – одеяния оперного Зигфрида – медвежья шкура перед камином, вместо стихийной и неподдельной страсти вагнеровских близнецов – безвольный инцест манновских.

Так на кого же пародия у Томаса Манна? Как и у Вагнера, евреи вторичны по отношению к немецким реалиям, именно их они пародируют. Это общее с Вагнером, но гораздо важнее то, что их разделяет принципиально. Вагнер от вторичности евреев в музыке переходит к еврейству как таковому и, «доказывая» его вредоносность, призывает к борьбе с ним на уничтожение. У Томаса Манна негативизация образов евреев строится на его импульсивном, эмоциональном неприятии того, что ему неприятно в них. В новелле это относится к выходцам из гетто, знакомым ему, скорее всего, понаслышке, образы которых включали в себя и расхожие негативные стереотипы, вероятно, в чем-то соответствующие его эмоциям. Пародийное противопоставление изнеженности еврейских близнецов «истинным» страстям немецких, к тому же изображенных Манном в не менее пародийном ключе в спектакле, вряд ли тянет на противопоставление двух народов. И манновское обобщение, в отличие от вагнеровского, относится лишь к евреям гетто, противопоставляемым не немцам и всему человечеству, а европеизированным, хорошо знакомым Манну немецким евреям, с одной из семей

которых он породнился. Но и у евреев гетто есть будущее – оно в европеизации. Однако в новелле она выглядит пародийно и, главное, приравнивается декадансу. У евреев Европы, особенно Восточной, большинство которых все еще пребывало в гетто, нет будущего? Таким ли было кредо автора?

Возможно, до и при написании новеллы оно еще не сформировалось. Возможно, его заставил задуматься скандал, разразившийся в связи с ней. Так или иначе свое кредо, ставшее его КОНСТАНТОЙ в отношении к еврейству, Томас Манн изложил в уже цитированной статье «О решении еврейского вопроса». Она была написана в 1907 году, то есть по следам разразившегося и связанного с новеллой скандала. Именно тогда пошли слухи об антисемитизме ее автора, якобы избравшего объектом своей сатиры семью евреев Прингсхаймов. Возможно, поэтому Томас Манн посчитал своевременным заявить о своем понимании вопроса, который «вызывает у него жгучий интерес». Именно здесь он заявляет: «... я убежденный и непоколебимый "филосемит" и абсолютно уверен, что такой исход, о котором мечтают бескомпромиссные сионисты, означал бы, пожалуй, самое большое несчастье, которое могло бы постичь нашу Европу. Оспаривать еще сегодня необходимость этого незаменимого в Европе культурного стимула – имя ему еврейство – да к тому же в Германии, которая в нем так остро нуждается, дискутировать об этом, придавая дискуссии недоброжелательный, враждебный смысл, я считаю такой бесцеремонностью и бесвкусицей, что не чувствую себя подходящим для роли ее участника и не собираюсь в нее вступать»⁹¹.

Тем не менее, Т. Манн в эту дискуссию вступил. Ее начало связывают с появлением статьи весьма известного преподавателя истории берлинского университета профессора Генриха фон Трейчке. Статья появилась в ноябре 1879 года под названием «Наши перспективы». В ней автор «научно» доказывал несовместимость «людей восточного происхождения и культуры» – евреев – с европейцами и прежде всего с немцами. Тезис из этой статьи «Евреи – это наше несчастье» стал лозунгом антисемитов в Германии и не только там. Дискуссия, вызванная публикациями Трейчке и других дипломированных антисемитов, предшествовала дискуссии во Франции, связанной с делом Дрейфуса. В берлинском заявлении за подписью 75 человек решительно осуждался антисемитизм Трейчке и иже с ним. «Неожиданно и глубоко постыдным образом в различных местах империи, в частности, в больших городах, вновь возбуждается средневековый фанатизм и расовая ненависть, направленные против наших еврейских сограждан»⁹². Леонид Люкс, анализирующий немецкую дискуссию, считает, что это обращение предшествовало написанному в 1898 году письму Эмиля Золя "Я обвиняю", также, как и вся дискуссия предваряла спор дрейфусаров с антидрейфусарами. Среди 75

⁹¹ Манн Т. О решении еврейского вопроса / Сб. С. 359.

⁹² Цит. по Люкс Л. Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма / Исторические исследования. Книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Т. 1. Айхштетт, 2014. С. 19.

подписавших обращение, опубликованное в ноябре 1880 года, были и знаменитые коллеги Трейчке – Теодор Моммзен, Иоган Дрейзен, Рудольф Фирхоф, Рудольф фон Гнайст.

Томас Манн, полагаю, знал об этой дискуссии и других, подобных ей. Чью сторону он занимал? С апреля 1895 по декабрь 1896 года он вместе с братом Генрихом работал в журнале *Двадцатый век*. Журнал был явно антисемитский, и Генрих, тогда главный редактор, и своими публикациями, и подбором публикуемых материалов фактически определял его позиции. Томас, по свидетельствам, придерживался более умеренных взглядов, но само его участие в работе такого журнала было достаточно красноречивым. Но относились ли взгляды двадцатилетнего Манна, пользуясь его же понятиями, к «мнениям» или к «убеждениям»? Судя по всему, его дальнейшему творчеству, впервые он выразил свои убеждения (не исключено, что они кристаллизовались во время семейного кризиса, связанного с «еврейской» новеллой,) в статье «О решении еврейского вопроса». Как бы возражая против основополагающего тезиса немецкого идеологического антисемитизма «Евреи – наше несчастье», нацеленного не на отдельных евреев, а на народ как таковой, он пишет о будущем еврейства – оно в его европеизации, которая началась «всега сто лет назад» и охватывает максимум три поколения. Но этот процесс нельзя рассматривать в изоляции, ибо «еврейский вопрос – это вопрос общего развития культуры. Мы не решим его, не сможем ответить на него, если будем рассматривать его как отдельный вопрос. Мы работаем над его разрешением, служа, каждый по-своему, цивилизации»⁹³. Видимо понимая антисемитизм как негативное отношение ко всему и всякому еврейству, Манн удивлялся обвинениям его в антисемитизме, появившимся в связи с новеллой. В письме Генриху от 17 января 1906 года он пишет: «Вернувшись из декабрьской поездки, я застал здесь слух, будто я написал какую-то резко "антисемитскую новеллу"». Правда, тут же он самокритично добавляет, что она «не очень-то способна поддаться этому слуху». Именно по этой причине Томас Манн возражал против включения «еврейской новеллы» в ряд последующих изданий его работ.

3. Хаим Брейзахер в контексте романа «Доктор Фаустус». Кто они – «пораженцы рода человеческого»?

Толки об антисемитизме писателя шли и в связи с появлением негативных еврейских персонажей в других его произведениях. Были ли для этого основания? Важно, по-моему, помнить, что Манну было чуждо всепринятие всего и всякого в современных ему евреях. «Евреи слишком разные, чтобы я мог назвать себя филосемитом», – писал Томас Манн в 1936 году⁹⁴.

⁹³ Манн Т. О решении еврейского вопроса / Сб. С. 363.

⁹⁴ Манн Т. Почему еврейскому народу не надо отчаиваться / Там же. С. 385.

Человек, глубоко приверженный своей национальной культуре, «страдавший Германией», но никогда не отрекавшийся от нее, Томас Манн не понимал стремления некоторых евреев бежать от собственного «я», не любил «гениев с подавленными комплексами», готовых видеть антисемитизм уже в том, что «кто-то не оставляет без внимания такой яркий феномен как еврейство и не отрицает его существование в мире»⁹⁵.

В сионизме он видел процесс еврейского национального возрождения. И его, немецкого писателя, с готовностью подписавшего воззвание немецкого Палестинского комитета и вошедшего в его состав, глубоко поразили резкие антисионистские выступления евреев из либеральных кругов Германии. «Мне совершенно непонятно, как могут евреи выступать против еврейских национальных идеалов», – искренне недоумевал Томас Манн⁹⁶. Со своей стороны, он считал, что «для еврея, даже если он не соглашается отказаться от своей современной западной формы существования, национальная основа, которую ему предоставляет сионистское возрождение Палестины, должна быть благословением, укреплять и развивать его самосознание»⁹⁷.

Томас Манн писал, что его связывает с евреями – «и связывает навсегда» – их любовь к интеллекту, «их природная чуткость ко всему, в чем есть изысканность, дерзание, утонченность и свобода». Но он отмечал также и то, что интеллектуальный дар евреев и их особая чувствительность к новому, которое они «были склонны приветствовать безоговорочно, просто как новое», ставили их порой «во главе греховных и пагубных движений»⁹⁸.

Уже после прихода нацистов к власти он много думал, пишет Томас Манн, «о нелепости того, что евреи, которых в Германии лишают прав и изгоняют из страны, принимают большое участие в событиях духовной жизни, находящих свое выражение, – в известной мере, разумеется, и очень искаженно, – в политической системе». К тем, кто участвовал в духовной подготовке антилиберального поворота, Томас Манн относил востоковеда и теолога Оскара Гольдберга, который «явно принадлежит господствующему духу времени своей книгой "Действительность евреев" – антигуманистической, антиуниверсалистской, националистической, в религиозных выражениях восхваляющей технику. Давид и Соломон для него религиозные вырожденцы»⁹⁹. Оскар Гольдберг стал прототипом Хаима Брейзахера – одного из двух еврейских персонажей романа «Доктор Фаустус».

«Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом», – таков подзаголовок книги, которую Томас Манн назвал «романом моей эпохи»¹⁰⁰. Серенус Цейтблом, друг и биограф Леверкюна, начинает его жизне-

⁹⁵ Манн. О еврейском вопросе. С. 367-368.

⁹⁶ Манн Т. Интервью польской газете «Ционистише Вельт» / Там же. С. 371.

⁹⁷ Манн Т. Живая человеческая реальность / Там же. С. 380.

⁹⁸ Манн. О еврейском вопросе. С. 367.

⁹⁹ Манн. Из дневников. Там же. С. 382.

¹⁰⁰ См. Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / его же. Собр. соч. Т. 9.

описание 13 марта 1943 года – в тот самый день, когда был закончен «Закон» и когда Томас Манн, упаковав «мифологические и востоковедческие материалы к "Иосифу"», приступил к своему роману «Доктор Фаустус». Это не просто временная непрерывность – это цельность творческой коллеи, магистрального пути мыслителя Томаса Манна, это продолжение его битвы за духовное достояние человека. В повествовании совмещены два времени – то, когда оно ведется, – годы военного разгрома нацистской Германии, – и то, когда подготавливалось торжество нацизма и осуществлялось его господство. Автор передоверяет «тишайшему» учителю Цейтблому свою горько-ироническую хронику завершающего этапа «той чудовищной катастрофы», в которую Германия вовлекла мир, и вместе с тем ищет разгадку «характера и судьбы народа, принесшего миру столько неоспоримо прекрасного и великого и в то же время неоднократно становившегося роковым препятствием на пути его развития»¹⁰¹.

Томас Манн отвергает существование двух Германий – доброй и злой. Весь роман – это повествование о том, как лучшие свойства немецкого духа и национального характера – стремление к внутренней свободе, самоуглубленность, романтизм, исконный универсализм и космополитизм, – как все эти достоинства «под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла»¹⁰². Но «дьявольская хитрость», она же черт, покупающий душу Фаустуса-Левверкюна и всего «злополучного народа», – не потусторонняя сила, он не вне, а внутри него самого. Томас Манн шаг за шагом прослеживает внутренний процесс перерождения доброй Германии в злую. В центре его внимания – те интеллектуалы, на совести которых готовность нации пойти «по пути бедствий и преступлений», те, кто непосредственно участвовал в процессе перерождения национально-гуманистического духа в расистско-каннибальское варварство. Томас Манн устами Цейтблома рассказывает о немецких салонах кануна Первой мировой войны и 20-х годов, об их участниках – генераторах, интерпретаторах и распространителях концепций, восхваляющих язычество, возвращение к радикально враждебному гуманности культу природы, отвергающих дух как убивающее жизнь начало – словом, исповедующих именно то, что было освоено национал-социализмом и без чего он вряд ли смог бы «угасить разум» и стать выразителем «продиктованных чувством убеждений масс»¹⁰³.

«Варварство», «козыри атавизма», апологетика «старо-нового архаизированного мира» – так Томас Манн определяет и пропаганду язычества, и призыв к «исполненному новизны возврату к теократически-средневековому укладу жизни». Вторую «концепцию» исповедовали немецкие «консервативные революционеры». Обе «концепции» вошли в идейный арсенал нацизма. Но почему языческую идеологию с яркой критикой Библии провозглашает еврей Хаим Брейзахер,

¹⁰¹ Манн Т. Германия и немцы / его же. Собр. соч. Т. 10. С. 103-126.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Манн Т. Немецкая речь. Призыв к разуму / Сб. С. 123.

а вернуться к теократически-средневековому укладу призывают именно и только немцы? Об этом ниже. А пока о самих дебатах.

В салонах разыгрываются судебные процессы, в которых апологеты «нового», сами «люди науки», подвергают разгрому и осмеянию «доводы критицизма и разума, доводы честной объективной истины». «Правосудию, за которым было последнее место и окончательный приговор, повеселевшие участники диспута не замедлили приписать такое же *самоотрицание*, каким они занимались сами»¹⁰⁴.

САМООТРИЦАНИЕ гуманистической культуры проникает и в «святая святых» национального духа – в немецкую музыку. Преображение претерпевает творчество гениального композитора Адриана Левекюна. Судьбоносные изменения происходят в процессе тяжелой болезни – его мозг поражен «бледной Венерой». Так черт, покупающий душу музыканта, называет бледную спирохету. Он является в 1922 году к уже зараженному бациллой Адриану и предлагает контракт на двадцать четыре года, то есть до 1946 года. Начальная дата совпадает с первыми публичными проявлениями нацизма, вторая – с его полным разгромом и ужасающей трагедией народа в разрушенной стране. Таким образом в повествовании синхронно разворачиваются две истории: 1) история болезни гениального музыканта, сокрушаемого болезнью мозга и совращаемого чертом, спекулирующим на страданиях больного и соблазняющим его творческим всесиливием; 2) история болезни народа и страны, сокрушаемых болезнью духа, то есть душевной болезнью, и совращаемых нацизмом, спекулирующим, как и черт, на страданиях народа и соблазняющим массы манией величия – призраком мирового владычества

Болезнь композитора проходит те же стадии, что проходит и болезнь немецкого народа и Германии, совращаемых нацизмом. Это процесс САМООТРИЦАНИЯ, то есть изживания самыми больными накопленных их историей гуманистических ценностей. Пик отрицания в творчестве Левекюна приходится на 1929 и 1930 годы, и, по свидетельству Серенуса, он совпадает «с возвышением и самоутверждением зла, овладевшего нашей страной и ныне гибнущего в крови и пламени»¹⁰⁵.

В эти годы Адриан завершает работу над своим последним творением – симфонической кантатой «Плач доктора Фаустуса». Доскональная музыковедческая оценка этого творения, проделанная Манном-Серенусом, убеждает в том, что разрушительный заказ дьявола выполнен. У них «нет ни капли сомнения в том, что кантата была задумана и записана как антипод бетховенской Девятой симфонии, в самом трагическом значении этого слова»¹⁰⁶. Речь идет о самом оптими-

¹⁰⁴ Манн Т. Доктор Фаустус / его же. Собр. соч. Т. 5. С. 474. Разбивка моя – Л.Д.

¹⁰⁵ Манн. Доктор Фаустус. С. 623.

¹⁰⁶ Там же. С. 633.

стическом творении Бетховена, в финале которого звучит могучий хор «Ода к радости».

Замысел кантаты вызревал по мере гибели тех, кого любил Адриан, – такой ценой осуществлялся договор с чертом, нацеленный на концентрацию разрушительных сил и эмоций творца. После мучительной смерти любимого малыша, племянника Адриана Серенус услышал:

«-Я понял, *этого быть не должно* .

- Чего, Адриан, не должно быть?

- Доброго и благородного, – отвечал он, – того, что зовется человеческим, хотя оно добро и благородно. Того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Оно будет отнято. Я его отниму.

- Я не совсем тебя понимаю, дорогой. Что ты хочешь отнять?

- Девятую симфонию, – отвечал он».

Так происходило самоотрицание и саморазрушение самого духа нации, угасание ее разума. Так шло превращение доброй Германии в злую,

«Хорически-симфоническое» творение Адриана никогда не исполнялось. Сам он по завершении работы пригласил на прослушивание лишь близкий круг людей, в большинстве завсегдатаев «новаторских» салонов. Музыкальную часть Адриан предварил своей исповедью, в которой раскрыл дьявольский источник разрушительного самоотрицания немецкой музыки в его творении. Исповедь завершилась роковым припадком, после которого Леверкюн уже не оправился. Разум его угас в 1930 году. Именно тогда произошло «сенсационное голосование» в пользу нацистов, и именно тогда Томас Манн произнес свой полный тревоги предупреждающий «Призыв к разуму». Окончательный уход из жизни Адриана Леверкюна происходит в 1940 году. Это второй год развернутой нацизмом Второй мировой войны, губительной не только для Германии, но и ставшей угрозой всей европейской цивилизации.

О последних этапах жизни своего великого друга Серенус пишет в апреле 1945 года. Тогда были «взломаны стены застенка, в который превратила Германию власть ..., и наш позор предстал перед глазами всего мира ... И увиденное по мерзостной жестокости превосходит все, что может вообразить себе человек». И Манн-Серенус произносит проклятие – «проклятие погубителям, что обучали в школе зла некогда честную, законопослушную, немного заумную, слишком теоретизирующую породу людей»¹⁰⁷.

Проклятие должно пасть на тех интеллектуалов и пропагандистов, на совести которых – готовность нации пойти «по пути бедствий и преступлений».

Видное место среди подобного рода деятелей предоставляется доктору Хаиму Брейзахеру – «человеку ярко выраженной расы, интеллектуально весьма развитому, даже смелому, впечатляюще безобразной наружности, который – явно не

---

¹⁰⁷ Там же. С. 622.

без злорадства – играл роль чужеродной закваски». Вместе с другими «разношерстными элементами», заполнявшими немецкие салоны, Брейзахер исповедует ультрареволюционный консерватизм и фрондирует против буржуазно-либеральных ценностей и вкусов. Культурфилософ, «настроенный, однако, против культуры», он не видел в ее истории ничего, кроме процесса упадка. В культурно-критических разглагольствованиях Брейзахера о Ветхом Завете – «сфере личного происхождения оратора» – Томас Манн воспроизводит основные идеи Оскара Гольдберга, не скрывая того возмущения, которое вызвал в нем еврей интеллектуал, демонстрирующий «злостный консерватизм в отношении своего народа и его духовной истории», интеллектуал, для которого «почитаемые каждым христианином библейские цари Давид и Соломон» – не более чем «либеральные вырожденцы». «Вырожденцы» именно потому, что они причастны к «проповеди абстрактного единого Бога» – идеи, которая, согласно культурфилософу, знаменовала деградацию истинно народной религии с ее осязаемым – «шествующим в огненном столпе» и требующим «жертвы из крови и мяса» богом. Томас Манн, точнее, его «доверенное лицо» Цейтблом, оценивает эти «козыри атавизма», эту апологетику язычества как «охранительный радикализм», который благодаря своей революционности, сочетаемой с «похвально консервативной личиной», подрывал устои опаснее, чем всякий «неконсервативный» революционизм. Разоблачая поклеп культурфилософа на духовную историю его народа, Томас Манн, считавший высшим вкладом евреев в цивилизацию идею единобожия и десять заповедей, устами Цейтблома утверждает, что «не только у пророков, но уже в самом Пятикнижии, а именно у Моисея», во главу угла ставится не жертва (языческий анахронизм), а «послушание Богу, исполнение его заповедей». Вспомним, что под религиозностью сам Томас Манн понимает «вдумчивость и послушание», позволяющие распознать «скверну» и избежать ее.

Среди тех, кого интересует еврейская тема в работах Томаса Манна, есть критики, утверждающие, что образ Брейзахера свидетельствует об антисемитизме автора романа. Такие мнения разделяет мой оппонент Евгений Беркович, который, обобщая, утверждает, что в романе о войне «евреи без Холокоста и Германия без антисемитизма». Описания Катастрофы в романе действительно нет. Но это потому, что весь роман посвящен иной теме и иному уровню реальности. Это уровень духовности человека, поле боя Томаса Манна – духовная культура нации, его противники – участники ее саморазрушения. И на этом уровне тема Катастрофы сообразно общему контексту возникает при озвучивании центральной антисемитской ИДЕИ нацизма = ИДЕИ «гигиены народа и расы». Без картин реализации этой идеи Катастрофа была показана напрямую и в соответствующем жанре – в публицистике. Озвучивает идею «гигиены расы» еврей Брейзахер, и Беркович расценивает именно это как антисемитизм Томаса Манна.

Сам Томас Манн не исключал возможности «п р е в р а т н о г о антисемитского толкования еврейских персонажей в романе». (Разрядка моя – Л.Д.) Более то-

го, он признавал, что то, как описан «гнусный Брейзахер, этот хитроумный сеятель великой беды, дает повод заподозрить его самого в юдофобстве»¹⁰⁸.

Отвергая подобного рода предположения, Томас Манн объясняет, что и выведенные в романе немцы – «настоящая кунсткамера диковеннейших созданий отжившей эпохи», – дают такие же основания упрекать его в антинемецкости, как отрицательные еврейские персонажи – в антисемитизме. Эти пояснения, а также заверение в том, что Саул Фительберг (еще один еврейский персонаж, коммивояжер от музыки) ему «куда милее чистокровных немецких масок, дискутирующих о капризах своего времени», видимо, далеко не всем казались достаточно убедительными. Это видно из того, что писал Томас Манн израильскому исследователю его творчества Курту Левенштейну: «Я вполне сознаю, что не воздал должного еврейству и его часто столь высокой и серьезной духовности и что упустил – д о л ж е н б ы л у п у с т и т ь – в качестве противовеса Фительбергу и Брейзахеру вывести в книге образ другого еврея (я думаю о пророческом типе Бубера). Опасность, что это может быть воспринято как антисемитизм, по крайней мере, людьми более простыми, нельзя вовсе отбросить, и хорошие друзья указывали мне на это еще во время работы над романом». Томас Манн повторяет, что «арийцы» в его книге тоже «отнюдь не заслуживают самого большого доверия». Далее, переходя от частного к общему, он формулирует свой главный аргумент: «Общий дух книги дает слишком мало пищи для обвинения автора в антисемитизме»¹⁰⁹.

Почему автор д о л ж е н был упустить образ «противовеса» Брейзахеру и причем тут «общий дух книги»? По своему общему духу книга направлена против агрессивного ДУАЛИЗМА, персонифицирующего разрушительные силы в образе внешнего врага с призывом его уничтожения. Дуализму как мировоззрению и его идеологическому воплощению в нацизме Манн протвоставляет свой монизм. В н у т р и национальной культуры сосуществуют и противоборствуют разные тенденции. При определенных обстоятельствах может возобладать одна из них – разрушительная. Так случилось при победе нацизма в Германии, так произошло при победе большевизма в России.

Может это абстрактное умствование? Напомню знаменитый спор историков 80-х годов прошлого века. Тогда был поставлен вопрос: нацизм в Германии – это реакция на «еврейский большевизм» в России и ТОЛЬКО или у него были и собственные национальные корни? Начавший спор немецкий историк европейского фашизма Эрнст Нольте вместе с другими его коллегами утверждал, что нацизм – это прежде всего и главным образом реакция на победу большевизма. Гитлер трактовал ее как начало еврейского завоевания мира и отсюда его устремленность к тотальному уничтожению еврейства. А откуда взялся сам Гитлер – «мой братец», как писал о нем Томас Манн? Историков, которые не могут примирить-

---

¹⁰⁸ Манн. История «Доктора Фаустуса». С. 142.

¹⁰⁹ Он же. Письмо К. Левенштейну / Сб. С. 62.

ся с тем, что зло нарождалось внутри самой нации, что нацизм – это внутренняя болезнь, возбуждению которой большевизм лишь способствовал, я назвала реабилитантами. Таким же реабилитантом, но русским, был Солженицын. Часть его «Красного колеса» названа «Ленин в Цюрихе». Там большой дьявол Парвус берет на службу Ленина (в котором «всего на четверть русской крови»), чтобы вместе с ним революцией сокрушить Россию.

Каким же был иной подход? Мне кажется, его можно выразить вопросами: 1) Призрак коммунизма бродил по всей Европе, почему же он воплотился в «диктаторско-террористический режим» именно и только в России? 2) Фашизм тоже распространялся по всей Европе. Почему он стал нацизмом именно и только в Германии?

Манн, отвечая на такие вопросы, предложил действенное средство преодоления таких зол. Для этого нужно понять их культурно-историческую национальную имманентность, распознать их внутренние корни, без этого их иссечение невозможно. Только усвоением такого подхода, усвоением уроков Томаса Манна можно объяснить успешное возрождение Германии. Отсутствие такого подхода в России во многом объясняет ее нынешнее состояние.

Вернемся к самой книге, о которой Томас Манн писал: «Будучи от начала до конца исповедью и жертвоприношением, она выходит за рамки искусства и является подлинной действительностью». Какой же была действительность в преднацистской и нацистской Германии? Была ли в ней борьба с надвигающимся варварством, было ли в ней *з н а ч и м о е* противодействие ему в среде интеллектуалов? Нет, этого, несомненно, к гневу и скорби автора, не было. Действительным и превалирующим был процесс саморазрушения, самоотрицания гуманистической культуры. В соответствии с этой реальностью и в книге нет противостояния саморазрушению, как нет и художественной персонификации такого противостояния. Персонифицированы лишь «сеятели беды», и Брейзахер – один из них. В салоне, где он разглагольствует в унисон с другими «сеятелями», у него нет оппонентов.

Е. Беркович утверждает, что такой оппонент имеется – это Серенус Цейтблом. В интерпретации Е. Берковича слова Цейтблома о том, что «мир антигуманизма для него впервые приоткрылся ... как раз благодаря Брейзахеру», выглядят так: «Цейтблом корит себя, что не нашелся как возразить этому наглому еврею, проповедующему нацистские идеи». Таким, считает Беркович, был замысел самого Томаса Манна. «В романе преступником, – пишет он, – выступает еврей, а жертвой выйдет невинный Цейтблом»¹¹⁰.

Убеждена – Томас Манн, мягко говоря, был бы поражен такой интерпретацией. Впрочем, как и большинство непредубежденных читателей. Серенус Цейтблом вообще не действующее лицо. Он *alter ego* автора, резонер и хроникер событий, рассказчик, выражающий в своих эмоциях и оценках реакцию и пони-

---

¹¹⁰ Беркович Е. Двудликий волшебник // Еврейская старина. 2017. № 4.

мание событий автором. Вот что пишет сам Томас Манн в статье о романе. «... Я решил поставить между собой и героем посредника – "друга", то есть не рассказывать жизнь Адриана Леверкюна самолично, а заставить другое лицо ее рассказать... Это давало мне возможность как-то опосредовать свою взволнованность всем тем непосредственно личным, знакомым, что лежало в основе моего жуткого замысла и пародийно передать собственную взволнованность в смятении и трепете этой робкой души». «Такая техника монтажа, – пишет Манн далее, – входит в сам замысел, в самую "идею" книги, она связана с той редкой душевной свободой и широтой, что вызвала к жизни этот роман, связана с его хоть и сказочной, а все-таки неподдельной прямоотой, связана, наконец, с тем смыслом тайной исповеди, который в него вложен...». В такой «технике монтажа» – несравненное мастерство художника, избирающего жанр и сюжеты, полностью адекватные замыслу, идее и исповедальности романа.

Исповедальность лежит в основе всего творчества писателя-наставника¹¹¹. Оценивая свой роман как пример немецкой самокритики, Томас Манн выражает уверенность, что ни на каком ином пути он не мог бы сохранить большую верность немецкой традиции. Возводя ее к Гете, Гельдерлину, Ницше, Томас Манн отказывается видеть первопричину зла в некоей сторонней силе, совращающей на путь бедствий и преступлений беспорочных индивидуумов и добродетельные народы. Он на собственном опыте познал «таинственную связь немецкого национального характера с демонизмом». «Черт Лютера, черт Фауста представляется мне, – пишет Томас Манн, – в высшей степени немецким персонажем. И договор с ним, прозакладывание души черту, отказ от спасения души во имя того, чтобы ... владеть всеми сокровищами, всею властью мира, подобный договор, как мне кажется, весьма соблазнителен для немца в силу самой его натуры»¹¹².

В мире Томаса Манна, в мире, где почитаются «вдумчивость и послушание», где разум и критический дух, отвергая мистику и идолов, постигают истинную связь причин и следствий, нет места мифам о злокозненном и всесильном, устремленном к всемирному владычеству еврействе. Привнесение в мир зла, совращение и покорение народов – так представлена в антисемитских мифах роль евреев в мировой истории. Привнесение в мир идей, заложивших основу гуманистической европейской культуры, – в этом видит вклад еврейства в историю человечества Томас Манн. Быть евреем – значит сохранять и приумножать этот вклад, не уходить из еврейской истории и уж, конечно, не осквернять ее, а способствовать ее продолжению. А персонаж его романа – «хитроумный сеятель беды» Хаим Брейзахер – не только не следует еврейско-гуманистической традиции, но подобно своим арийским собеседникам, сеющим беду вместе с ним, изменяет своему народу и его культуре. Брейзахер – наглядное подтверждение все-

¹¹¹ Подробнее об этом см. Дымерская-Цигельман Л. Томас Манн и Василий Гроссман: уроки исповедальной литературы // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2008. № 1.

¹¹² Манн. Германия и немцы.

общности «дьявольского парадокса – порождения зла добром», парадокса, воплотившегося в трагедию перерождения «доброй» Германии в «злую». Брейзахер являет собой пример того же перехода в свою противоположность высших свойств еврейского духа, какой происходит в сфере метаморфоз немецкого духа. «Так же, как немецкий романтизм, опустившись до жалкого уровня черни, до уровня Гитлера ... выродился в истерическое варварство, безумие расизма и жажду убийства» («Германия и немцы»), так и в случае Брейзахера «вдумчивость и послушание», «чуткая иудейская восприимчивость к новому и грядущему» вырождаются в суетное приспособление к «господствующему духу», в апологетику исподволь возникающего старо-нового, революционно-архаизированного мира, где «ценности, связанные с идеей индивидуума ... переосмыслены, поставлены в связь с куда более высокой инстанцией насилия, авторитета, основанной на вере диктатуры»¹¹³.

Брейзахер принадлежит к тем, кто, прорицая будущее, ничего не делает, чтобы предостеречь от него и предотвратить его. Более того, он относится к грядущему с интересом и даже, может быть, с сочувствием. «Раз оно новое, не наше дело ему препятствовать». На его примере продемонстрирована самоубийственность непротивления варварству в его зародыше. Именно Брейзахеру – еврею, народ которого шестью миллионами жизней оплатил «гигиену арийской расы», – Томас Манн предоставляет слово о «гигиенической точке зрения». Без признаков страха и озабоченности, ничего не противопоставляя предрекаемому, Брейзахер уведомляет, что «если когда-нибудь приступят к устранению больного элемента в широком плане ..., то и под это подведут такие основания, как гигиена народа и расы, хотя в действительности ... дело будет идти о гораздо более глубоких преобразованиях, об отказе от всякой гуманной мягкотелости ..., об инстинктивной самоподготовке человечества к суровой и мрачной, глумящейся над гуманностью эре»¹¹⁴.

Столь покорное принятие мира, избавленного от «гуманной мягкотелости», отвращает Томаса Манна и от немецких консервативных революционеров, и от немецкого прорицателя заката Европы Освальда Шпенглера, и от еврейского апологета революционно-архаизированного мира Оскара Гольдберга-Брейзахера. Для него они все пораженцы рода человеческого именно потому, что отступают от гуманистических принципов своих народов, сдают без всякого сопротивления ценности своих национальных культур – немецкой и еврейской.

---

¹¹³ Манн. Доктор Фаустус. С. 475, 476.

¹¹⁴ Там же. С. 478.

Глава V. Томас Манн о еврейском государстве

1. Диалектика универсального и национального в еврейской истории и сионизм

Отвращение к национальному отступничеству, как и к тупо-апологетическому, построенному на ненависти к инородцам агрессивному национализму, сочетается у Томаса Манна с уважением гуманистических начал и принципов любой национальной культуры, будь то немецкая, русская или еврейская. В развитии национально-духовного он видел путь к служению универсальному – общечеловеческому.

Такое понимание диалектики национального и универсального объясняет отношение Томаса Манна к сионизму. В мире, писал он, наблюдаются две мощные тенденции: устремленность к универсальному и устремленность к национальному. Евреи много сделали в первом направлении, и пришло время заняться собственными национальными проблемами. Таким путем «еврейский гений сможет лучше всего служить универсальному», ибо «мировая культура – мозаика, в которую каждый народ вносит свою собственную краску»¹¹⁵.

«Свою собственную краску» евреи вносят в мировую культуру, превращая Палестину – «колыбель современного человечества» – в еврейский национальный дом, где, считал Томас Манн, еврейский народ сможет «жить свободно и беспрепятственно и создавать для себя и для всего мира великие человеческие и культурные ценности»¹¹⁶. Не входя сейчас в оценку осуществимости этих надежд и прогнозов, отмечу, что еще в 20-х годах Томас Манн видел в сионизме «культурный фактор большого гуманистического значения» и от этого своего убеждения не отказывался никогда.

Но в отношении сионизма как способа решения еврейского вопроса, его роли в жизни и судьбе современного еврейства оценки Томаса Манна претерпели явную эволюцию. Он принимал как факт исторически сложившуюся двойственность еврейского существования – жизнь одной части еврейства в диаспоре и другой (численно значительно меньшей) – в своем национальном доме. До Первой мировой войны Томас Манн считал господствующей тенденцией в жизни еврейства его европеизацию – процесс, совпадающий с общим культурным развитием народов Европы. Но уже в 20-х годах Томас Манн признает историческую значимость сионизма, оценивая его как «важный исторический процесс национального возрождения одного из культурнейших и древнейших народов мира»¹¹⁷.

Приехав в Палестину в связи с работой над «Иосифом» (март – апрель 1930 года), Томас Манн, по его словам, убедился, что у этой страны есть будущее.

---

¹¹⁵ Манн. Интервью польской газете «Ционистише Вельт». С. 371.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

«Тот, кто видел эту страну, знает, что это не романтическая мечта, а живая человеческая реальность, – суммировал он свои впечатления. – Эксперимент возрождения языка иврит превзошел все ожидания, и молодые люди, которые говорят на иврите, как французы по-французски ... сильное, деятельное, прекрасное поколение...»¹¹⁸. Томас Манн высоко оценил созидательную работу евреев, превращающих свою «историческую родину» в цветущую страну. Особый интерес вызвал у него Еврейский университет в Иерусалиме. «Он проникнут деятельным научным духом, научные исследования во многих областях сочетаются с постижением иудаизма»¹¹⁹.

Томас Манн считал, однако, нереальным массовое возвращение евреев в Палестину. «Такое требование противоречило бы здравому смыслу, – писал он – ибо большинство евреев слишком глубоко укоренено в западной цивилизации и культуре стран их проживания, чтобы оторваться от них и суметь прижиться в стране их праотцев»¹²⁰. Этой же позиции он частично придерживался еще и в 1944 году, полагая, что идея национального объединения встречает сопротивление «главным образом из-за ошибочного представления, будто сионизм намеревается репатриировать всех евреев в Палестину!». Повторяя, что «репатриация в Палестину не соответствует желаниям многих евреев, столетиями укоренившихся в западном мире», Т. Манн одновременно заверяет, что она и не в интересах тех стран, где евреи проживают. «Я не сомневаюсь, – утверждает он, – что если после войны евреи не вернуться в Германию, она очень пострадает от отсутствия своих еврейских граждан, как ранее Испания веками страдала от последствий изгнания евреев и арабов»¹²¹.

Пережившим войну очевидно, что и на этот раз должное не стало сущим. Наставничество, стремление изменить реальность, показать, какой она должна стать, все же не помешало Томасу Манну трезво оценить послевоенную ситуацию. В речи на митинге в Нью-Йорке (октябрь 1945 года), проходившем под лозунгом «Спасите евреев Европы», Томас Манн заявил, что «после военного краха европейского фашизма ... надежда на настоящий мир, который должен быть основан на справедливости и человеческом достоинстве, может быть осуществлен лишь при условии решения еврейского вопроса, который, конечно, не есть единственная проблема нашего времени, но именно он может стать пробным камнем зрелости нашей цивилизации и ее желания служить Добру»¹²². Свою солидарность с такой трактовкой еврейского вопроса выразили присутствовавшие на митинге Трумэн, Альберт Эйнштейн и многие другие политические и общественные деятели Америки.

---

¹¹⁸ Манн. Живая человеческая реальность. С. 380.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Манн. Упорный народ. С. 427.

¹²² Манн. Спасите евреев Европы. С. 432.

2. Еврейское государство – гарант сохранения народа и продолжения его истории. Томас Манн об отношении западных держав к государству Израиль

Антисемитизм, «глубоко запавший в европейские умы», отступничество западных держав, отказавших евреям в убежище, их непростительное бездействие в годы Катастрофы, а также преступные действия англичан по недопущению выживших в Катастрофе евреев в подмандатную Палестину – все это приводит Т. Манна к переоценке роли сионизма в жизни современного еврейства. Под влиянием Катастрофы европейского еврейства, не только укорененного в Европе, но и погребенного в ней, Томас Манн приходит к выводу о необходимости создания еврейского государства как силы, гарантирующей выживание и дальнейшее существование еврейского народа. Можно сказать, что эволюция взглядов Томаса Манна на сионизм как бы повторяет этапы общей эволюции его мировоззрения. И здесь он от аполитичности (игнорирование политического аспекта национального возрождения) приходит к идее национального государства как единственно возможной в современных условиях формы самозащиты нации. Сущность этого государства – демократия, ибо лишь она создает условия для сохранения и приумножения главного достояния народа – его духовности, его культуры.

Решение Англии ограничить, а с 1944 года практически пресечь еврейскую иммиграцию в Палестину Томас Манн оценивает как измену, как отказ от тех обязательств, которые приняла Англия вместе с мандатом на Палестину. «Английская "Белая книга" от мая 1939 года превращает обещанный в 1917 году национальный очаг в Палестине в ограниченное сроком убежище и тем самым, – утверждал Томас Манн, – уничтожает его смысл и ценность». Так обстояло дело с принятием «Белой книги» в мае 1939 года. «А сегодня? Спустя пять лет после начала гитлеровской войны против евреев Европы? После освобождения из-под нацистского ига от семи-восьми миллионов, которые там жили, останется еще кто-то, кто не "ликвидирован", не погиб от голода, не отравлен газом, – все-таки кто-нибудь еще останется. Они будут лишены корней, имущества и крова, и разгромленная, обедневшая после войны Европа вряд ли будет для них подходящим местом... Настоящим местом для них будет Палестина, древняя и, согласно декларации Бальфура, новая обетованная земля. Но как раз в этот момент установления "Белой книги" должны свести на нет эти обетования»¹²³. Америка, убежден Томас Манн, должна была сказать свое слово. Слово протеста. Но, как известно, этого не произошло. Своекорыстное отношение ее руководителей к возрождению «еврейского дома» вполне рельефно выразилось после принятия решения ООН от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское.

Томас Манн приветствует это решение. Он глубоко убежден в созидательных устремлениях евреев: еврейское государство в Палестине, писал он, «будет де-

---

¹²³ Манн Т. О Белой книге / Сб. С. 419-424.

мократией людей, которые полны желания работать и строить свою культуру»¹²⁴. В 1930 году во время своей поездки в Палестину Томас Манн сблизился с доктором Иехудой Магнесом, возглавлявшим Еврейский университет в Иерусалиме. Доктор Магнес ратовал за создание двунационального государства в Эрец-Исраэль и активно выступил против раздела страны на два государства. При знакомстве Томас Манн во многом разделял взгляды Магнеса – сторонника духовного сионизма. Но, как мы знаем, ко времени решения ООН о разделе позиция Т. Манна радикально изменилась. Магнес же по-прежнему был против раздела, полагая, что, не проводя его, можно было бы избежать межнациональных столкновений. Возражая доктору Магнесу в письме к нему Томас Манн выражал уверенность в том, что «создание еврейского государства в крайне скромных границах могло быть осуществлено без особых конфликтов, если бы маленькая территория не стала очагом борьбы великих держав за нефть и базы»¹²⁵. На основании данных, «точность которых не подлежит сомнению», Томас Манн утверждал: арабское восстание, начатое сразу же после принятия решения в ООН, разжигалось англичанами, заинтересованными в восстановлении своего мандата на Палестину.

19 марта 1948 года, в критический период, когда до истечения срока мандата оставалось менее двух месяцев, американская делегация в ООН отозвала свое согласие на раздел Палестины. «Последнее решение США никак не связано с Палестиной, а только с военными планами против СССР», – писал Томас Манн. Еще не родившееся еврейское государство становилось разменной монетой в «большой политике». Решение американской делегации Томас Манн расценил как «самое возмутительное политическое событие со времени предательства Чехословакии в 1938 году... Это способствует деморализации мира, что раньше или позже, – предупреждает Томас Манн, – приведет к всеобъемлющей катастрофе»¹²⁶.

В статье «Призраки 1938 года», опубликованной 26 марта 1948 года, – неделю спустя после оглашения решения США об отказе от раздела Палестины, – писатель призывал американскую общественность выступить против этого решения. «Почему же мы осуждены поддерживать везде отвратительную, грязную реакцию, ненавистную народам, – в данном случае арабских шейхов, – и разрушать демократию, изображая дело так, будто мы ее защищаем?»¹²⁷.

¹²⁴ Манн Т. Призраки 1938 года / Там же. С. 433.

¹²⁵ Манн Т. Письмо И. Магнесу / Там же. С. 435.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Манн. Призраки 1938 года. С. 433.

Глава VI. Томас Манн и наше время

1. Томас Манн: Израиль – еврейское демократическое государство

В одной из дневниковых записей в переломные двадцатые годы Томас Манн пишет о своей «сейсмической чувствительности». Она и вправду у него была и проявилась уже тогда, когда при первых же толчках цивилизационного землетрясения, то есть при первых же шагах «диктаторско-террористических режимов» он предсказал, какими цивилизационными обвалами такие режимы чреваты. Эта же «чувствительность» проявилась и тогда, когда он писал о Европе, допустившей Катастрофу, как месте, ставшим губительным для еврейского народа, и утверждал, что гарантом продолжения его истории и самого его существования может быть собственное государство.

Возрождение еврейского государства знаменовало начало нового этапа в истории еврейства и его взаимоотношений с другими народами и государствами. После двухтысячелетнего пребывания в качестве бездомного и беззащитного пришельца, ОБЪЕКТА действий и воздействий «народов-хозяев», завершившегося Катастрофой европейского еврейства, с возрождением собственного государства еврейский народ возвращает себе статус СУБЪЕКТА истории. Вследствие гибели европейского еврейства центр еврейского существования перемещается из Европы на Ближний Восток. Им становится государство Израиль.

Т. Манн считал, что Израиль должен быть национальным государством, основанным на демократических принципах европейских государств и США. Это будет, как было определено при его создании, еврейское демократическое государство.

2. Томас Манн о противостоянии США и СССР. Советский нацифицированный антисиионизм и делегитимация Израиля

Со второй половины XX века, после гибели евреев Европы, начинается новый этап не только в самой истории еврейского народа, но и в его взаимоотношениях с другими народами и государствами. Формируются и принципиально новые идеология и политика тотального, то есть направленного на народ как таковой, антисемитизма. Это идеология и политика антисиионизма и антиизраилизма. Их главная мишень – центр существования современного еврейства – Израиль. Они разрабатывались в СССР, но получили широкое распространение и на Западе, и на Востоке.

Израиль, возвращаясь в историю, должен строить себя в контексте взаимоотношений с большими и малыми государствами. При этом формируется широкий диапазон отношений – от союзнических до смертельно враждебных. Среди государств были и те, кто сохранял свои утилитарные своекорыстные интересы, эко-

номические и политические, которыми они руководствовались прежде. Томас Манн и тут проявляет свою «сейсмическую чувствительность», сразу же отмечая эту ново-старую тенденцию, определявшую отношение к Израилю при его создании и сохраняющуюся поныне. Он показал, сколь трагичным для евреев было противодействие англичан еврейской репатриации до и во время войны и сколь катастрофичным оно становилось, когда уцелевшие в Катастрофе евреи пытались добраться до своего единственного в мире отечества-убежища.

Уже первая война Израиля – война за независимость (1948 г.) доказала адекватность оценок Томаса Манна. Он писал: «Война разжигалась англичанами, заинтересованными в сохранении своего мандата на Палестину». Но особую роль, считал писатель, играет противостояние СССР и США. Нападение арабских стран на новорожденный Израиль, утверждал он, во многом было спровоцировано «борьбой великих держав за нефть и базы». Решение же США об отказе от своего согласия на раздел Палестины, писал он, «никак не связано с Палестиной, а только с военными планами против СССР»¹²⁸.

Только еще нарождавшийся Израиль становится разменной монетой в большой политической игре. Возмущаясь цинизмом этой игры, отвергая манипуляционный своекорыстный подход к евреям, на этот раз к их государству, Томас Манн не закрывал глаза на принципиальные отличия игроков. О США он писал: «Мы здесь ведем трудную борьбу против тенденций, которые, как мы опасаемся, могли бы морально и физически разрушить эту безусловно порядочную страну». Послевоенный СССР Томас Манн оценивал как страну, где укоренена «тоталитарная политика, которой присягнул и которой силой добивается коммунизм». Противостояние двух антиподов – США и СССР – становится определяющим политическим контекстом всей последующей истории Израиля.

СССР из кратковременного союзника (проголосовал в 1947 году за раздел Палестины) превращается в самого ярого противника Израиля. Во всех арабо-израильских войнах он снабжает арабов оружием, организует им военное обучение и руководство, разрабатывает стратегию и тактику террора как нового вида войны, превращающейся в гибридную, обеспечивает арабским представителям политическую поддержку во всех возможных инстанциях, и главное – создает нацифицированную идеологию антисиионизма, нацеливающую на уничтожение Израиля – жизненного центра современного еврейства. Часто говорят, что антисиионизм – не более чем легитимная критика Израиля, подобная критике других государств. Еще чаще можно услышать, что антисиионизм – это маска, которой прикрывают прежний «классический» антисемитизм. Это не так. В ряде работ специалистов показывается, чем отличается современный политико-идеологический антисиионизм от легитимной критики государства. Он нацеливает на делегитимацию Израиля, то есть на ликвидацию самого права на существование еврейского государства. При этом важно понять, что он – никакая ни мас-

---

¹²⁸ Манн. Письмо И. Магнесу. С. 435.

ка, а принципиально новый вид тотального антисемитизма, хотя, понятно, преимущественно связанный с ранее существовавшими его разновидностями, прежде всего с нацифицированной советской.

Антисионизм, разрабатываемый в СССР в ходе антисемитских кампаний времен позднего сталинизма, прежде всего, отличался своим объектом, своей трактовкой врага – это не только народ как таковой, а созданное им «преступное государство» Израиль, его «человеконенавистническая» идеология – сионизм-расизм, его «подрывная политика». Таким образом, вместе с объявлением Израиля главным врагом СССР, а затем и всего «прогрессивного человечества» кардинально меняется антисемитская идеология, правда, с сохранением главной парадигмы тотального антисемитизма – парадигмы «всемирного еврейского заговора». Сообразно этим изменениям разрабатываются новая политика, стратегия и тактика борьбы с новым врагом. В дополнение к террору разрабатывается также и пропаганда, рассчитанная не только на советские массы, но и на вербовку союзников за рубежом, используемых в холодной войне с США. Таким образом, в необъявленной войне с Израилем именно в СССР воссоздается синтез террора, идеологии и пропаганды – этого типового отличия тоталитарных режимов, который становится и главной особенностью их модернизированных последователей¹²⁹.

Ханна Арендт, довоенная соотечественница Томаса Манна, принадлежащая к крупнейшим политическим философам XX века, в своем анализе восьми послевоенных лет сталинского тоталитаризма заключала, что институт террора, сложившийся в 30-е годы, оставался и после войны органической частью режима. Но на этом этапе, подчеркивает она, происходит «кардинальный переворот в идеологии». В чем его сущность? Он выразился, считает Ханна Арендт, в признании «существования всемирного заговора евреев». Идеологический поворот воплотился в цепь судебных процессов – Анны Паукер в Румынии, Рудольфа Сланского в Чехословакии и других. Все эти евреи руководители компартий обвинялись в сионизме, и в то же время все сионисты объявлялись «наемниками американского империализма». Того же рода обвинения предъявлялись и советским евреям и должны были стать обоснованием смертного приговора «врачам-вредителям». И Ханна Арендт резюмирует: «Открытое, бесстыдное принятие того, что весь мир считал существеннейшим отличием нацизма, было последним комплиментом Сталина его покойному коллеге и сопернику в деле тоталитарного господства, с которым он, к своему великому сожалению, не смог достичь долговременного соглашения»¹³⁰.

О сталинских антисемитских кампаниях Томас Манн не писал – они пришлись на последние нелегкие годы его жизни, омраченные потерей близких и

---

¹²⁹ См. Дымерская-Цигельман Л. Советские корни современного антисемитизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2.

¹³⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Киев, 2002. С. 28-29.

собственным нездоровьем. Но внимания к интересовавшим его всю жизнь вопросам – родство нацизма и русского коммунизма – он не утрачивает и тогда. В этом сходство позиций его и Ханны Арендт. В 1948 году он пишет о разительном сходстве разгромных кампаний против творческой интеллигенции в нацистской Германии и в СССР. И там, и там эти кампании служили прологом главного действия – тотальных репрессий против евреев.

В феврале 1948 года в письме Гансу Майеру Томас Манн рекомендует ему прочесть статью в журнале *Штимер*, автор которой, потрясенный, показывает, «что московские оценки искусства и предписания искусству в точности совпадают с оценками нацистов, и что русская революция клеветает на тех же ведущих представителей современного искусства, которых изгнал и запретил Геббельс – от имени народа».

От себя он добавляет: «Когда я вижу, как русские композиторы стоят на коленях, и слышу, как пустыми голосами они каются: да, да, мы были формалистами, и наше искусство было диссонантно, мы грешили, батюшка, и раскаиваемся, – мне становится жутко». И заключает: «От московской политики на меня веяло ужасом»¹³¹.

Разгромные идеологические кампании, целенаправленная травля композиторов и литераторов, генетиков и физиков плавно переросла в борьбу с «безродными космополитами», истинный объект которой обозначил чуткий фольклор: «чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». Советский антисемитизм, существовавший ранее латентно, в ходе кампаний 1948-1953 годов становится широко пропагандируемой государственной идеологией. Антисионизм, инициированный Сталиным, продолжал служить средством внутренней и в особенности внешней политики на всем протяжении существования СССР.

В годы стагнации ("застой") изобретается "фашизм под голубой звездой", и СССР - главный антисемит нового времени - тем самым обретает былой нимб главного антифашиста эпохи. И именно в таком качестве - "неоантифашизма" - нацеленный на еврейское государство антисемитизм получает широкое распространение как на исламистском Востоке, так и среди разнокалиберных леволиберальных движений на Западе. Начали проявляться симптомы цивилизационного зла XXI века.

***

Одоление цивилизационного Зла – нацизма – досталось невероятно дорогой ценой, а неистребимые корни тоталитаризма дают побеги и в наше время.

Великий провидец Томас Манн с самого начала постиг, насколько тесно переплетены судьбы еврейские с судьбами общечеловеческими. Он одним из первых

---

¹³¹ Манн Т. Письмо Г. Майеру / Сб. С. 327.

продемонстрировал цивилизационное измерение не только еврейского вклада в культуру, но и Катастрофы европейского еврейства. Он показал, каким предательским в отношении к собственной культуре и стране было бездействие демократий, превращавшееся в самоубийственное содействие нацизму, нацеленному на их уничтожение.

И я спрашиваю, не столкнулись ли мы, живущие в XXI веке, со схожими цивилизационными проблемами? Понимаем ли мы, что существует цивилизационное Зло нашего времени, изучаем ли мы его идеологию и политику, знакомы ли нам его вершители и его пособники? И, наконец, понимаем ли мы, какое значимое наследство оставил нам Томас Манн – великий мыслитель и наставник, великий писатель и художник, великий европеец? Ведь именно он своей жизнью и своим творчеством показал, как можно и нужно активно противостоять цивилизационному Злу и его пособникам – «пораженцам рода человеческого».

Хочется надеяться, что среди нынешнего и последующих поколений найдутся мыслители ранга Томаса Манна, способные освоить и преподать своим современникам его уроки, что среди них найдется достаточно тех, кто последует этим урокам, и что среди этих поколений появятся политики ранга Черчилля, способные сделать так, чтобы имя Европы, да и всей европейской цивилизации не осталось только «именем в истории».